

Сакен Сейфулин

Айша

Август 1916 года. Последние дни знойного шилде, макушки лета, как называют здесь то время, когда травы, кустарники уже тронуты увяданием, а до осени еще далеко-далеко.

Сильный ливень прошел, и небо высветлилось, хотя комковатые тучи все еще скрывали воздушную голубизну, напоминая источенные весенние льдины, покрывающие чистую яркую воду.

И солнце ушло за низкие холмы, поросшие редкими кустами карагана. Лошади, овцы, коровы, верблюды, застигнутые в поле дождем, обсохли и мирно щипали траву неподалеку от пяти аулов, расположившихся в той ложине, которую лениво пересекала мелководная Осень. И люди наслаждались дуновением легкого ветерка, которое схоже с прикосновением к разгоряченному телу нежной шелковой ткани. На крутом берегу реки виднелись три усыпальницы с высокими минаретами. Дневное марево размывало очертания минаретов, и казалось, что они колышутся, колеблются в прокаленном воздухе, но вот пала на землю прохлада, и силуэты островерхих башен резко обозначились на фоне бледного неба.

И звуки стали слышны гораздо явственнее, чем в полуденный зной.

— Ках!.. Ках!.. Ках!;. Ак-кус!.. Ак-кус!, Ках, ках, ках! — донеслись возбужденные голоса оттуда, где паслось стадо, и на кромке холма вдруг показались несколько верховых, скакавших что есть мочи. Навстречу им двигался всадник на белом коне.

Аульчане все, какодин, высыпали из юрт и, приложив к глазам ладони, изумленно разглядывали скачущих. Зашлись лаем собаки, бросившиеся к стаду. Одна из них, белая гончая из среднего аула, вырвалась вперед, и казалось, что мчится она со скоростью падающей звезды. Всадник на рыжем коне появился из аула, расположенного в западной части ложины, и вскоре догнал других джигитов.

Лишь черненькая кудлатая собачонка, приютившаяся у закопченного очага маленькой юрты западного аула, равнодушно взирала на скачущих гикающих всадников, на злобно лающих собак. Кудлатка разок-другой тявкнула, надеясь получить подачку у женщины в грязной заплатанной одежде, хлопотавшей над огнем, но женщине было не до нее, и собачонка, недовольно ворча, вернулась на свое место.

Западный аул, откуда выехал всадник на рыжем коне, называли аулом Кадыра. Состоял аул из пяти юрт. Одна из них, кривоватая, но с крепкой кошмой, принадлежала самому Кадыру. Другие, латаные, низкие, прокопченные, - его старшим сыновьям, Сенбаю и 5Канали, и свату Кадыра. Одним словом, не было чужих в этом ауле, если не считать гостей, расположившихся неподалеку от юрты Сенбая близ своих стреноженных коней. Гости и хозяева вели неторопливую беседу, но вот раздался шум в стаде, и один из собеседников, поспешно взнуздав коня, скрылся за холмом. Из юрты канали, переговариваясь и пересмеиваясь, вышли девушки и

молодухи. Шумной толпой направились они к речке, и перед ними, перегоняя друг друга, стуча по земле босыми пятками, с визгом и смехом бежали ребятишки.

Широкие подола двушек задевали землю, звенели шолпы, колыхались уки, мелькали зеленые и красные платки молодых, белые кимешеки.

Камзолы, чапаны, бешметы... Буйство красок, невольно вызывающее в памяти яркое весеннее цветение. Впереди лебедками плыли две молодые с кумганами.

Мужчины, сидевшие близ юрты Сенбая, сдержанно задвигались, глядя вслед женщинам. Один из них, смуглый, рябой, в большом тымаке из белой мерлушки, смотрел пристально, немигающе, как голодный беркут в осеннюю непогоду. Сидящий напротив него джигит невольно усмехнулся.

<Ишь, как вылупился на Айшу, зло подумал он.- Видать, на богатство свое надеется, а сам-то на кого похож? На старую пятнистую шуку из тухлой заводи...>

Женщины скрылись в зарослях карагана. Одни, засучив рукава, поблескивая серебряными браслетами, достали куски душистого мыла и принялись умываться, взбивая густую белую пену. Другие, позвякивая кумганами, шутливо пререкались в ожидании своей очереди.

Айша утерлась платком и запела, оглядываясь по сторонам, будто впервые знакомилась с окружающим. Однако взгляд ее ни на чем долго не задержался. Лишь три высоких минарета на берегу Осени вдруг обратили на себя ее внимание, ибо напомнили ей рассказ знакомой женщины по имени Кантбала о том, как она, убежав от постылого мужа, нашла приют в нише одной из усыпальниц.

<В трудный час, когда деваться некуда, и такое место может стать убежищем - подумала Айша.

Женщины, все так же подшучивая друг над другом, направились к аулу. Айша по-прежнему оставалась печальной. Молча двигалась она в толпе женщин, закутавшись в черный сатиновый чапан.

Хмурое лицо, плотно сдвинутые соболиные брови, глаза, полные тоски... Она не слыла в ауле хохотушкой, но на сей раз выражение ее лица было столь красноречиво, что даже посторонний заметил бы, что ее гнетет печаль. И сердца ее сверстниц сжимались от жалости к девушке, но они таили свои чувства и во что бы то ни стало пытались развеселить Айшу.

Тихий мирный вечер...

Женщины скрылись в юрте. Всадники, пересекшие ложбину, возвращались обратно. Белая гончая бежала рядом с рыжим конем.

Айша была младшей дочерью Кадыра.

Шакир, сын Боранбая из рода каракесек, в поисках невесты объездил множество аулов. Дошел до него слух о красоте Айши, и он в сопровождении куда-то, присланного ему зятем, баем Бименде, появился в ауле Кадыра, где уже два дня сватал приглянувшуюся девушку.

Шакир был пожилым вдовцом, отчего и речи быть не могло о тайных

свиданиях нареченных, столь распространенных в казахском быту. Он хотел увезти Айшу к себе, выплатить калым провожатым невесты и не намеревался затягивать сватовство, ибо его опустевший дом срочно нуждался в хозяйке. Шакир обратился к Кадыру, его братьям, старшим сыновьям и быстро нашел с ними общий язык, - ему удалось выторговать Айшу за тридцать голов крупного рогатого скота.

Такая покладистость семьи Кадыра объяснялась в равной степени и богатством Шакира, и тем, что он состоял в родстве с самим Бименде. Если бы Шакир был помоложе и не обременен детьми, он, конечно, сватался бы к другой невесте, взял в жены дочь знатных родителей, сыграл пышную свадьбу, но богатые и влиятельные не хотели отдавать своих юных дочерей за рябого, с общипанной бородой старика, и ему пришлось довольствоваться Айшой.

Они сидели близ юрты Сенбая - Шакир и его спутники. Рыжий иноходец, на котором джигит, перегоняя белую гончую, мчался навстречу всадникам, был конем Шакира, и скакал на нем посланец бая Бименде.

Кадыр зарезал барана, позвал на той старейшин пяти аулов и, попотчевав их мясом, вдосталь напоив кумысом, испросил их благословения. Вместе с другими пировали старшина Сулейман и мулла Бекир - лишь двое средних сыновей Кадыра не присутствовали при сговоре. Один из них, Сапаргали, работал на Нильдинском заводе, другой, Абиль, пас табуны своего богатого дяди.

Кадыр был доволен тем, что в один день стал владельцем изрядного стада. Временами, правда, просыпалась в нем жалость к дочери, но богатство, неожиданно свалившееся на голову, было слишком весомым, чтобы долго печалиться о ее судьбе. В конце концов - такова женская доля!

На землю опустились сумерки, и четверо джигитов вышли из юрты жениха, направляясь в юрту канали, куда возвратились после омовения женщины. Один из них и был жениховым дружкой, посланцем бая Бименде, трое остальных жили в близлежащих аулах.

- Ей, куда,- обратился к свату один из джигитов,- как придем к девушкам, спой нам песню...

Он сдвинул на глаза тымак, крытый пестрым шелком, оттопырил губу, куда заложил насыбай, смачно харкнул и лихо прошелся по струнам маленькой домбры.

- Надеюсь, на этот раз и вы мне поможете,- посмеиваясь, ответил чернобородый посланец бая Бименде.

- Ассалаум-агелейкум! Здоровы ль вы? - кланялись джигиты, переступая порог.

- Е-е, милости просим, милости просим! Без вас какое веселье...- в тон им отвечали разбитные молодухи, а девушки прятали глаза, как велел обычай.- Чувствуйте себя как дома... В ногах правды нет...- наперебой галдели женщины.

Джигит с домброй повернулся к товарищам: - Хорошо! Если наше

присутствие не в тягость хозяевам, мы зайдем место на торе...- И тут же обратился к свату: - Проходи, куда. Садись рядом с нашими девушками. Куда, мельком оглядев присутствующих, чуть дольше задержал свой взгляд на лице Айши.

- Можно и пройти, благодарим за приглашение,- гудели джигиты, рассаживаясь.

Усатый парень, самый старший из всех, посмотрел на Айшу, на свата.

- Я слышал: наш куда - мастер песни петь. А ну-ка, Ахмет, дай ему в руки домбру,- скомандовал он.

Ахмет, тот самый парень, что жевал насыбай, передал инструмент свату.

- Что ж, послушаем, послушаем, как сладко поет ваш куда, - вставила одна из молодых, черноглазая, краснощекая, в белом кимешеке.

- Не обессудьте, но я не умею играть на домбре,- неловко выговорил сват, возвращая инструмент Ахмету.

Ахмет отстранился.

- О, куда! Чего ты стесняешься? Кто же поверит, что посланец бая Бименде не владеет домброй? Оставь свои шуточки, - посмеивался он.

Сват смутился и побагровел, не зная, как вывернуться. Вспотевшими руками он неуклюже держал домбру и готов был провалиться под землю от стыда.

Но его выручили вездесущие молодые. Они мигом затеяли игру <жалгыз хан>, Ахмет ударил по струнам, и веселье началось. Лишь Айша по-прежнему не поднимала глаз, не участвуя ни в беседе, ни в игре.

- Айша, сыграй нам,- обратился к ней усатый джигит.- Мы пришли повеселиться, и нам обидно видеть тебя печальной. Спой что-нибудь!..

- Правда, правда... Поиграй, повеселись с подружками,- поддержала его краснощекая молодуха.

- Веселитесь на здоровье, если вам так хочется. А мне-то чего радоваться? - неприязненно отозвалась Айша.

- В нашей жизни тоже хорошего мало, но что толку грустить? Тоской горю не поможешь, держи выше голову, сестренка, - враз заговорили женщины.

- Кошке игрушки, а мышке слезки. Играйте, коли играется,- ответила Айша.

- В таком случае мы уходим,- отложив домбру, сказал Ахмет. - Нет, нет. Не обращайтесь на меня внимания. Садырбек, подойди ко мне, мне нужно с тобой поговорить,- обратилась Айша к усатому джигиту.

"Жалгыз хан" продолжилась. Айша наклонилась к джигиту и еле слышно прошептала:

- Ступай и еще раз скажи им: никогда в жизни я не выйду за сына Боранбая, хоть и осыплют меня всеми богатствами мира. Сам он старик, дом его полон сирот, лицо у него - не приведи аллах во сне увидеть. Не стану я его женой. А коли задумают меня продать,- как перед богом, клянусь: не будет у меня ни отца, ни матери, ни братьев. Они выдают меня за Шакира, чтобы отделаться от меня, а ведь я не причинила им ни горя, ни забот. И если они все же решатся на это, я исчезну, как день исчезает с наступлением вечера, и никогда больше им не увидеть меня. Ступай и подробно, ничего не

пропуская, передай им мои слова...

Глаза ее подернулись слезами. Садырбек незаметно покинул юрту.

Его уход не остался незамеченным. Не укрылись от женщин, джигитов и слезы Айши, отчего игра оборвалась сама собой.

- Что случилось? Играйте, прошу вас,- обратилась ко всем Айша.

Но веселье явно расстроилось. Джигиты один за другим покинули юрту, следом за ними потянулись к выходу женщины, и Айша осталась наедине с двумя близкими подругами - Бибиажар и Муслимой - да с женой брата Рахией. Чуть позже к ним присоединилась старшая невестка Рапыш. Трое ее детей подсели к огню, а женщины, устроившись на кошме, вполголоса беседовали в сумерках о нелегкой бабьей доле. До них то и дело долетали привычные звуки готовящегося к ночи аула: крики людей, загоняющих скот на котан, блеянье овец, мычанье коров.

В юрту вошла Салиха,, мать Айши. Кадыр взял ее в жены, когда умерла первая его жена, родившая ему четверых сыновей. Салиха нравилась ему, у нее от Кадыра тоже пошли дети, среди которых Айша была старшей.

Салиха тоже считала рябого Шакира неподходящей парой для дочери, но и она уверовала в смысл сладких речей посланца бая Бименде, прельстившись быстрой возможностью заполучить столько скота. Второй день ходила она, раздираемая сомнениями, и не могла прийти ни к какому выводу. Да и станет ли советоваться с ней Кадыр, который все решения принимал единолично, и уж если что втемяшится ему, то все, пиши пропало...

- Почему в темноте сидите? Раздуйте огонь! А где все остальные? По домам разошлись? - зачастила Салиха, виновато поглядывая на Айшу, которая так и не изменила скорбной позы.- Ну, все разошлись, так и нам пора... Рапыш,- обратилась мать к старшей снохе,- ступай домой, тебя, наверное, муж заждался...

- Подождет, я только что, сюда зашла,- огрызнулась Рапыш, но не так-то просто было сладить ей со свекровью.

- Ступай, тебе говорят! Тебя, Рахия, это тоже касается! - приказала Салиха, и обе женщины ушли вместе с нею.

Из темноты возник Садырбек, который, казалось, ждал их ухода. Он молча подсел к Айше, девушка по его лицу поняла, что нечего ждать ей от гонца радостных вестей.

- Ну? Что тебе ответили? - все же спросила она.

- Все то же,- подавленно начал Садырбек.- Я все им сказал, как ты велела, ничего не пропустил. Но они твердо стоят на своем. Бабские капризы, говорят. Все бабы, говорят, начинают с таких выкрутасов, и разве не в обычаях предков выдавать девушку за вдовца? Про тебя говорят, что ты опомнишься лишь тогда, когда окажешься в богатом доме Шакира, где будешь жить, словно руки в теплую воду опустил... Велят, чтобы ты перестала упрямиться, дело сделано... Да и ты сама, наверное, знаешь - завтра они собираются провожать тебя. Сначала проведут по пяти нашим аулам, а после полудня снарядят в дальний путь...

Глаза Айши сверкнули, лицо окаменело. Некоторое время она сидела молча, но затем выпрямилась:

- Ну что ж, теперь будь что будет!..

- Меня тоже обругали. Сказали, что я должен был научить тебя уму-разуму, вместе того чтоб передавать твои слова,- как бы в утешение ей добавил Садырбек.

- Ладно, хоть и бранят тебя, но прошу, как брата прошу - сходи к ним еще раз и одно скажи: чтоб теперь на меня не обижались. Раньше, скажи, я им просьбами докучала, теперь не буду. Но и они пусть на меня не обижаются. Ты понял меня?

- Понял,- безропотно согласился Садырбек и вышел из юрты. Снова появились Рахия и Рапыш.

- Уф, еле избавились от свекрови, - заговорила Рапыш.- А вы что приуныли, пригорюнились? Поздно горевать. Дело сделано. Завтра Айшу будем провожать,- обратилась она к девушкам.

Бибиажар и Муслима молча переглянулись. Грустная Рахия теребила край платка.

- Нужно родных обойти,- заметила Бибиажар.- Как того обычай требует.

- Зачем мне все это? - не поднимая головы, почти простонала Айша.

- Э-э, не говори так, голубушка,- остановила ее Рапыш.- Вот увидишь, станешь хозяйкой, полной владыкой в доме Шакира, и все еще будет хорошо-хорошо. Шакир старый, ты - красавица, да он на руках тебя носить будет. Конечно, тяжело тебе расставаться с родным очагом, друзьями, но ведь ты, слава создателю, не за нищего идешь, а берут тебя в богатый дом. Разве по нынешним веремеям можно бросаться таким мужем? Смотри, пробросаешься...

- Не хочу я продаваться, Рапыш. Неужели пара мне рябой сын Боранбая? Да он мне в отцы годится, так что не видать мне с ним счастья. И тебе, я чувствую, его богатство разум застило? - резко ответила ей Айша.

Рапыш так и ахнула.

- Ой-бай, девочка. Разве я зла тебе желаю? Я и о богатстве Шакира говорила лишь для твоей же пользы, чтоб ты так не убивалась. Не обессудь, милая...

Если хочешь, я уйду.

- Я не гоню тебя,- тихо отозвалась Айша.

- Айша, позволь нам с Муслимой. спеть песню,- может, развеется твоя печаль,- нарушив тягостное молчание, предложила Бибиажар.

- Спойте, спойте, милые,- обрадовалась Рапыш.- А ты что скажешь, Айша?

- Если хочется, пусть поют,- устало ответила девушка.

- Эх, Айша, эх, сестренка! Не вечно быть нам вместе. Разбросает нас жизнь по разным сторонам света. Так что давай, Муслима, затайнем напоследок нашу любимую.

- Что петь-то будем? - спросила Муслима.

- "Зулькию"; Начинай, а я подтяну,- сказала Биби ажар. Муслима, откашлявшись, запела:

Зачем расцветала она столько лет?
И стройной была для кого, эдди-ай!
Уж лучше бы ей не родиться на свет,
Чем слезы всю жизнь проливать, эдди-ай!
- Ты плакала долго, и слов больше нет.
Не плачь ты, мой светик-жаным, эдди-ай!

- вторила ей Бибиажар.

Тягучая грустная мелодия, похожая на жалостливую молитву, повисла в
ночном воздухе, и казалось, что все аулы прислушиваются к песне.

Гусь раненый в омут упал, элди-ай!
А девушка с домом разлучена.
Кровь раненой птицы уносит волна,
Чужак увез девушку, элди-ай!
Ты с этим смириться, мой светик, должна,
Не плачь, дорогая жаным, эдди-ай!

К юрте стали стекаться люди. Они стояли поодаль, не решаясь войти, и у
многих на глазах блестели слезы.
А песня все плыла и плыла над аулами:

Кто девичьи слезы, скажи, признавал?
Кто понял рыдания ее? Элди-ай!
Как трудно подняться, упавши в провал!
Надежда - лишь воля творца, элди-ай!
Не плачь, не облегчишь ты горе слезой,
Не плачь ты, мой светик-жаным, элди-ай!

Сильные голоса двух девушек, горькая безысходность музыки, бьющейся,
как сокол, попавший в неволю, зачаровали слушателей. Молчал Садырбек,
подошедший к юрте с джигитами из соседнего аула, Рахия, не таясь,
вытирала мокрые глаза, Айша, сгорбившись, сидела спиной к певицам, и
вздрагивали ее плечи...

За телкою сытой все стадо гурьбой.
Морщины мои - от невзгод, элди-ай!
За деньги постылый владеет тобой.
Кто может перечить творцу? Элди-ай!
Не плачь - не облегчишь ты горе слезой,
Не плачь ты, мой светик-жаным, элди-ай!
Слабые, жалкие слова утешения...
Разве могли они остановить слезы?
На привязи жить не желает овца,

В приволье - джайляу - уйдет, элди-ай!
А девушка в рабство по воле отца
Уйдет к нелюбимому, эдди-ай!
Не плачь, не гневи, дорогая, творца!
Не плачь ты, мой светик-жаным, элди-ай!

Внезапно толпа расступилась, пропустив вперед рослого широкоплечего джигита. В руках у него была камча, на плечах - выцветший чекмень, опоясанный кушаком, на ногах - стоптанные сапоги-саптама. Видно было, что он недавно с дороги - даже рыжая шапка его запылилась. Во все глаза рассматривал он поющих девушек, согбенную Айшу, Садырбека, который, опустив голову, прислонился к кереге. Рапыш, заметив джигита, что-то шепнула Рахии, и та подняла заплаканное лицо.
А песня Бибиажар и Муслимы продолжала будоражить покой округи.

Пусть щеки впадут и румянец сойдет,
Глаза пусть ослепнут от слез, эдди-ай!
Но проданной быть не хочу я, как скот,
Свободу мне смерть принесет, элди-ай!
Не плачь, дорогая, не плачь, перестань!
Не плачь ты, мой светик-жаным, элди-ай!

- Абиля... Иди к нам. Когда вернулся? - дрожащим голосом спросила Рахия широкоплечего джигита, но тот, по-детски всхлипнув, отвернулся и закрыл лицо локтем, по-прежнему не выпуская из рук камчи. Женщины буд-то того и ждали - они зарыдали открыто, в голос, не таясь.
Абиля, брата Айши, усыновил их богатый дядя, и теперь молодой джигит круглый год пас табуны своего названного отца. В зимнюю стужу, в смертельный буран он не раз промерзал до костей, зато летом беспощадное степное солнце дочерна сжигало ему кожу. Но кому мог пожаловаться приемыш? И разве была справедливость в том, что родные дети дяди росли в холе и неге, жили в изукрашенных юртах, восседали на бархатных коврах, ели казы, жирную баранину, пили кумыс, требуя исполнения всех своих прихотей. Чем он, день и ночь не покладающий рук своих, был хуже этих бездельников? Ведь все они - внуки одного и того же деда, но проклятое богатство развело их в разные стороны. И если бы не богатство, разве додумался бы отец отдать рябому старику, обремененному детьми, нежную Айшу, похожую на белую лебедь. Будь проклято ты, богатство! И будь проклята бедность, вековая спутница казаха!..
...Четверо подруг - Бибиажар, Муслима, Салима и Айша - лежали, обнявшись, на большой перине в тесной юрте с плотно закрытым тюндиком и шептались о всякой всячине, зная, что ночь, которую они проводят вместе, - последняя: завтра покидает аул Айша, а потом, глядишь, и остальные разъедутся.
Поздним вечером, когда и песни были спеты, и народ улегся, спутники

жениха прозрачно намекнули женщинам, что не худо бы свести жениха и невесту, как того требует обычай, их поддержали и джигиты аулов, но Айша отказалась наотрез. И куда, и жених ни с чем отправились восвояси, крайне недовольные также поведением Абиля, который твердо заявил отцу с матерью:

- Айшу неволить не позволю. Пока я жив - этого не будет.

После чего обругал посланца бая Бименде, уважаемого Корженбая, и, вскочив на коня, исчез в темноте.

А землю тем временем поглотила тьма. каналы вместе с джигитами Айдаром и Сериком охранял аул. Абиля вел себя странно: то и дело уезжал куда-то. под прикрытием ночной темноты, возвращался, снова уезжал...

Перевалило за полночь.

Лунный серп, похожий на отбитый краешек серебряного блюда, мчался от одной тучи к другой. Мчался, как иноходец по крепкой каменистой почве - не оставляя никакого следа, прячась в лохматых тучах... Но недолго тайлся месяц в своем ненадежном убежище. Вновь появлялся он, теперь уже в другом конце неба, и снова мчался, снова скрывался, точь-в-точь как та белая, гончая, которая на закате носилась от одного куста карагана к другому.

Близилась заря, и девушки замолчали, лежали тихо, не шелохнувшись, как голубки, запутавшиеся в сетке птицелова.

Айша никак не могла заснуть, вспоминая те горькие рассказы о печальных событиях из жизни знакомых и незнакомых ей женщин... Рассказы, которых она уже достаточно наслушалась за свою короткую жизнь.

Ей вспомнилась история Кантабалы из соседнего аула, столь похожая на сказку, несмотря на то, что Кантабала клялась и божилась, что все именно так и было, как она сейчас говорит.

<Муж взял меня в младшие жены, с тем чтоб я нарожала ему побольше детей. После свадьбы я в положенный срок родила ребенка, но недолго жило мое дитяtko. Тут и посыпались на меня несчастья: дети рождались один за другим и так же быстро умирали. И не стало мне житья от байбише. Ведь ты знаешь поговорку: <Сидящего бьют по голове, стоящего - по ногам>. Вот так-то! Били меня - по чему ни попадя. А муж мой ни в чем байбише не препятствовал.,

Не снесла я такого обращения и сбежала от мужа к родным; весной это было. Род мой кочевал в верховьях Сары-су, и темной ночью я одна-одинешенька отправи-

лась искать эту реку. Ничегошеньки у меня не было,-

кроме маленького курука в руках. Берег местами зарос густым камышом, а там, где голая степь, ямы, обвалившиеся колодцы. Ночь непроглядная, темная. Идешь, и жуть берет! Вдруг вижу: мелькнул впереди огонек. Пошла я на этот огонек, и - чудо! Сидит в степи под высоким камышом женщина. Волосы растрепаны, грудь голая, огонь разводит.

- Кто ты? - спросила я ее, не помня себя от страха. Глянула она на меня и

оскалилась. Похолодела я
вся даже, потому что поняла - ведьма, настоящая ведьма передо мной!
Стукнула я куруком о землю, зашептала молитву, гляжу - исчезли и огонь, и
ведьма... Ладно, дальше я бреду и вижу - опять огонек. Снова бросилась к
огню, и - ужас - сидит там та же ведьма, скалится... Я опять куруком о землю,
снова сотворила молитву - виденье исчезло. И так всю ночь: то и дело
мелькал передо мной блуждающий огонек и маячила ведьма с
распущенными волосами и обвисшими грудями. Под утро дождь как из ведра
полил. Я до нитки промокла, но продолжала идти вперед. Вдруг вижу в
рассветном полумраке впереди высокую черную башню. Подошла ближе, а
это стоят в ряд три усыпальницы с высокими, как пики, минаретами.
Страшно мне, однако делать нечего. Шепча молитву, укрылась я от дождя в
крайней усыпальнице. А небо все больше светлеет, и в свете дня все резче
видны очертания усыпальниц. И вдруг - хочешь верь мне, хочешь нет - вся
внутренность той усыпальницы, где я скрывалась, засияла ровным белым
светом. Тут уж я криком стала молитву кричать, и это придало мне сил. Тут и
дождь утих. Как я выбралась из усыпальницы, куда бежала - и не упомяну
даже, очнулась только, когда встретила кочевье, а уж они мне помогли
добраться до родного аула...>

И еще вспомнила Айша. Вспомнила бледную, изнуренную тяжелой
домашней работой Рахию, которая несчетное количество раз убегала от
своего мужа - туч- ного, налитого жиром Ахмета, но в конце концов
добилась своего: избавилась от постылого мужа.

О бегстве ее еще долго толковали джигиты аула.

- Удивительно, до чего упряма оказалась эта Рахия, - говорил Азим.

- Точно. Баба побесится-побесится, а потом все ж берется за ум, куда ей
деваться, а эта ни в какую,- поддакивал Базекен.

- Чего еще от бабы ждать, если она стыд и совесть потеряла,- ворчал
Уйткибек.

А джигит Кадырбек снова и снова рассказывал друзьям, как возвращался он
со стороны Кос-Шоки вдоль берега Осени в ту пору, когда большинство
родов уже перебралось на джайляу, и вдруг увидел, что по степи,
колеблющейся в жарком мареве, движется одинокий пеший человек, почти
неразличимый среди желтоватой степной растительности. Любопытный
Кадырбек повернул коня в его сторону, но чем ближе подъезжал он, тем
яснее становилось ему, что видит он перед собой ребенка, неизвестно зачем
оказавшегося в этих безлюдных местах.

Неожиданно ребенок исчез. Кадырбек заволновался, но, приглядевшись,
увидел, что малыш спрятался в какую-то выемку, притаился за кустом
карагана так, что одна головенка виднеется.

- Эй, бала, ты зачем здесь? Чей ты? - крикнул Кадырбек, но тут же понял
свою ошибку, ибо не ребенок был перед ним, а молодая женщина, закрывшая
лицо ладонями. Оторопел Кадырбек, и конь под ним захрапел, косясь на
кусты карагана. И хоть усмирив Кадырбек коня плеткой, но сам по-прежнему

терялся в догадках.

- Что за диво, и кто ты? Тебя что, ограбили?- Он снова ударил коня и оказался рядом с женщиной.- Эй, да язык-то есть у тебя или ты немая?.. Почему прячешься? Почему не отзываешься? - сыпал Кадырбек вопросами. Женщина приподнялась, и ахнул Кадырбек, узнав в ней Рахию. Была она совершенно голая, лишь длинные черные волосы развевались. Женщина снова спряталась. Кадырбек спешил, скинул чапан, отвернувшись, протянул его Рахией, когда та прикрыла наготу, стал с ней разговаривать. Оказалось, что она, убежав от мужа, направлялась к родным, но Ахмет нагнал ее в степи, избил, сорвал одежду и ускакал прочь, оставив Рахию в чем мать родила... <Досыта намучилась бедняжка, но все же избавилась в конце концов от изверга Ахмета,- вздохнула Айша.- О, проклятое богатство! Людские сердца ты обращаешь в камень. Если бы жалели родные девушку, разве отдали б насильно за немилого, разве променяли бы человека на скотину?..>

Металась, вздрагивала во сне Бибиажар. Тяжкие вздохи подруги болью отзывались в измученной душе Айши.

<Интересно, как дальше сложится жизнь у моих подружек? Нареченный Салимы - толковый, понимающий джигит. Муслима пока не просватана. Ну а сын Дюйсембая, что сватается за Бибиажар, явно ей не пара: хвастливый, глупый, развязный. Ясно, какой из него будет муж...>

Зачем расцветала она столько лет?

И стройной была для кого? Элди-ай!

Уж лучше бы ей не родиться на свет,

Чем слезы всю жизнь проливать, эдди-ай!

Подушка Айши была мокрой от слез. <Неужели, подчинившись прихоти родных, я всю жизнь проведу в печали и горе?> - думала девушка.

Пусть щеки впадут и румянец сойдет, Глаза пусть ослепнут от слез, эдди-ай! Но проданной быть не хочу я, как скот, Свободу мне смерть принесет, элди-ай!

<Чем мучиться весь остаток дней из-за черствости родителей, лучше погибнуть, как сноха Кошкарбая,- размышляла она.- Да и могла ль поступить иначе эта пригожая, ладная, похожая на горную козочку женщина? Ведь ее выдали замуж за косоглазого сына Кошкарбая, приземистого, дерганого, с вечной идиотской ухмылкой на тонких губах.

Вот и еще одна горькая судьба степнячки...>

Сын Кошкарбая нещадно бил молодую жену с самых первых дней их совместной жизни.

- Потаскуха! Ты не любишь меня! - рычал он.

Богатый уродец точно сквитаться с ней хотел за свои несчастья. Но разве лебедка виновна в том, что у поганого стервятника от рождения мутны глаза и криво туловище, и разве козочка может полюбить жабу?

Плача бежала по степи юная женщина, лицо сплошь покрыто синяками.

Бесновалась, редела вьюга, бушевала среди кустов, еле видных из-под

сугробов, свистела в трубах низеньких мазанок зимовки. Ледяной ветер охапками кидал колючий снег, и были погружены во мрак и небо, и земля. <Что ж, такова, значит, моя судьба. И пусть скорее кончатся мои мучения>,- шептала женщина.

Не успела несчастная сделать и десяти шагов, как буран закружил, ослепил ее.

Темная ночь. Ни зги не видно, будто джинны танцуют вокруг. Вой, стон, рыдание. Молодуха шла, голоса из последних сил, но криков ее, погашенных ветром, не слышал никто. Лишь вьюга выла все сильнее и сильнее, будто издеваясь над ней.

Облепленная снегом, она продиралась сквозь непогоду, спотыкаясь о каждую кочку, проваливаясь в каждую яму. Снег набился в сапоги, рукава, за пазуху, облепил лицо, мешал дышать, и она громко молила небо и землю о помощи. Ледяной коркой покрылась одежда. Катышками затвердели слезы на ресницах. Холоднее льда стала кровь. И только сердце билось по-прежнему, лишь глубоко внутри мертвеющего тела ее все еще теплилась жизнь.

Она спотыкалась, падала, вставала, снова шла, пока наконец не рухнула в высокий мягкий сугроб.

Все медленней и медленней билось сердце. Прыгали, кружились снежинки. Угасающему взору чудилось: злобные джинны сидят на снежинках, хлопают в ладоши, заливисто хохочут.

Смеялась, играла, плакала слепая вьюга, а потом нежно укрыла женщину пушистым снежным саваном, и наступила тишина...

Небывалое оживление царило с раннего утра в ауле Кадырбая. Скот угнали на пастбище, лошади были напоены, привязаны. Сизые ночные тучи не рассеялись еще, но то и дело раздавались громкие голоса, и мужчины сновали между юртами, угощая друг друга кумысом.

Девушки, молодухи, джигиты собрались в той юрте, где ночевала Айша.

Сама она сидела на торе и тихонько переговаривалась с Садырбеком. Лицо ее за ночь осунулось, глаза опухли от слез, взгляд, будто льдом скованный, был устремлен в одну точку.

И молодежь притихла, лишь изредка перекидываясь ничего не значащими словами. Женщины постарше со- крушенно качали головами. В юрту зашел канали и столкнулся в дверях со своей женой Рахией.

- Чего носишься туда-сюда, собачье отродье? - накинулся он на нее ни с того ни с сего.

Рахия молча отвернулась.

- Чего морду воротишь? Ступай, позови Рапыш, бестолковая...

Вскоре появилась Рапыш. канали и на нее набросился с руганью. Его точно бес обуял, он никак не мог успокоиться. А может, все-таки стыдно было ему, что его юную сестренку выдают за старика? Кто знает?..

Женщины, стоящие у входа, пересмеивались. Одна из них, многозначительно переведя взгляд с канали на юрту Сенбая, в которой ночевал жених, съязвила:

- Кому - девушка, кому - кумыс; кому - слезы, кому - богатство.
- И богатые родственники в придачу, - в тон ей отозвалась ее товарка.
Жанали побагровел, но, не найдя что ответить, пулей выскочил из юрты.
И тут заговорила Рапыш:

- А ну-ка, молодежь, пойдите погуляйте. Жанали прав, что сердится: Айша перед отъездом должна отведать угощения родителей и родственников, как того требует обычай. Старшие ждут ее, а вы все никак не можете распрощаться...

Молодые люди переглянулись, но никто из них не двинулся с места. И Айша тоже сидела не шелохнувшись.

Не грусти, голубка, - снова заговорила Рапыш. - Мы все прошли через это. Разве не для чужого очага сотворил женщину аллах? Так что на все божья воля, и не нужно тосковать понапрасну, милая. Отец с матерью велят тебе попрощаться со всеми жителями аула, получить благословение аксакалов, отведать пищи в домах уважаемых людей. Вставай, не нужно горевать попусту...

Айша подняла опущенные веки, гневно сдвинула брови:

- Рапыш, я выросла у тебя на руках. И не было случая, чтоб я ослушалась тебя, чтоб мы не поняли друг друга. Но сегодня я говорю тебе: уходи, я не стану делать того, за чем тебя послали.

Рапыш так и ахнула от неожиданности.

- Что ты, что ты, голубушка,- заторопилась она.- Ладно, ладно... Молчу я... Я ведь только передала тебе родительское слово. Так что не обессудь, милая... Она вышла из юрты, и вскоре явился другой посланец родителей Айши.

- Отец с матерью велят тебе обойти аулы. Лошади с утра оседланными стоят, и твоя тоже. Если дочь ты им, то окажи дочернее повиновение, получи благословение старших,- сказал он.

Айша и не шелохнулась в ответ. Молодежь недоуменно переглядывалась, не зная, как к этому относиться.

В юрту стремительно ворвалась мать Айши, и все взоры обратились на нее. Салиха была разгневана. Мысль о том, что она, став владелицей тридцати голов скота и породнившись с Бименде, может держаться, как равная, с женой самого бая Айнаша, опьяняла ее, и она забыла свои вчерашние сомнения.

- Почему никого не слушаешься? Почему не идешь по аулу? - резко спросила она.- Разве ты первая девушка, покидающая родительский дом? Лошади готовы, люди ждут тебя. Немедленно выкинь из головы всю свою блажь! - приказала она и вдруг набросилась на присутствующих: - А вы что сидите, как неживые? Возьмите Айшу под руки и ступайте на улицу. А то раззявились тут, будто никогда проводов невесты не видели.

Айша подняла на мать холодные глаза.

- Что хотите со мной делайте, но прощаться я ни с кем не стану. В чьем доме готово угощение для меня? Чье благословение я должна получить? И на что благословляете меня вы, родители, сбыв меня с рук и продав вдовцу? Как пса

бездомного, гоните меня за порог, торопитесь, сердитесь! Не мил мне мой род, если он так поступает со мной! И если лошади готовы, то и я готова. Приведите сюда коня. Велите сесть в седла тем, кто поедет к каракесекам за моим выкупом. Тронемся в путь, довольно медлить, раз дело сделано. Я все сказала.

Наступило молчание, и опустила голову Салиха. А ведь права дочь!

Прельстившись богатством, поддались они на уговоры, и как бы не вышло из всего этого большой беды. Так, с опущенной головой и пошла Салиха прочь. Сторожкой, кошачьей поступью пробрался в юрту смуглый джигит, один из спутников жениха.

- Ты из рода каракесек? - спросила его девушка. - Да.

- Вы действительно готовы к отъезду? - Да.

- В таком случае заседлай для меня рыжую кобылу Шакира...

- Твоя лошадь давно под седлом.

- Нет, я хочу ехать на лошади Шакира. Она - резвее,- упрямо сказала Айша, и джигит не посмел перечить ей, опасаясь ее нрава, о котором был наслышан.

- Хорошо,- сказал он, уходя, но девушка вернула его с порога:

- Своего коня тоже приведи. Мы вместе сядем в седла и вместе тронемся в путь. Прощаться я ни с кем не собираюсь, запомни это. И поспеши...

- Хорошо, хорошо,- снова сказал джигит уже на ходу.

- А ты ступай и помоги ему,- велела Айша Садырбеку, и тот, удивленно глядя на нее, повиновался приказу.

Вскоре две оседланные лошади стояли у юрты Айши. Смуглый джигит и Садырбек вошли в юрту. Девушки, молодухи, парни притихли и молча взирали на происходящее, не веря своим глазам и ушам.

- Все готово? - повернулась Айша к вошедшим. И получив утвердительный ответ, принялась торопливо одеваться. Надела чапан, обмотала поясом талию, взяла в руки камчу.

- Ну, прощайте,- обернулась она к столпившейся молодежи.- Никому, кроме вас, я не скажу больше этого слова. Отныне нет у меня ни отца, ни матери, ни родных. Отныне близкие мои - каракесеки. Прощайте, все прощайте! И если кого-нибудь из вас я обидела словом или делом, не держите в сердце зла на меня. Аллах велик! ..

И вдруг толпу словно прорвало. Раздался плач, слышались причитания:

- Айша-ау, неужели так уедешь?

- Неужели увезешь в сердце обиду?

- Ай, милая, так и не простишься ни с кем из своих?

- Не обессудь, голубушка, мы любим тебя.

- Побудь еще немножко.

- Айша, жаным, неужели и на нас зло в сердце держишь?

- Хоть с нами по-хорошему простишься.

Все ахали, вздыхали, обнимали Айшу.

Наконец она с трудом вырвалась из объятий. - Довольно!.. Хватит!..

Девушки, перестаньте плакать... Прощайте... простите, если что не так...- Она

утерла наворачнувшиеся слезы и взобралась на рыжую кобылу, которую подвел к ней джигит.

За ней валом побежали девушки, парни, ребяташки, молодухи.

Взрослые аульчане молча следили за происходящим. На мать, на отца, на родственников Айша даже не оглянулась.

- В путь! - скомандовала она, взмахнув камчой, и конь ее помчался стрелой. И жених, и сваты, и родня девушки лишь рты поразевали от неожиданности, будто сплавщики, у которых сорвался и уплывает плот. Но вскоре Шакир пришел в себя и вскочил в седло. Его примеру последовали все остальные. Родственники, догнав Айшу, хотели проститься с ней хотя бы здесь, в степи, но девушка, услышав приближающийся конский топот, даже не оглянулась, а лишь пуще прищипорила коня. Рыжий иноходец, любимец Шакира, рванулся и оставил провожатых далеко за собой. На спине его цепко, как сокол, сидела девушка с нахмуренными соболиными бровями.

Небо прояснилось, и солнце залило землю сияньем. Всадники мчались на запад, туда, где жили каракесеки.

Тем временем, из-за могильника-усыпальницы на берегу Есени выехал человек на сивом коне. Плоское, широкое лицо, смуглый... На ногах большущие старые сапоги, поверх заношенного черного бешмета чекмень, подбитый верблюжьей шерстью. На голове - потертый тымак. В руках - камча с толстой белой рукояткой. Сбоку свисает тяжелый соил.

От взоров провожатых Айши джигита надежно скрывали высокие травы, а открытые места он пересекал галопом. Таким образом он опередил всадников и, выбрав удобное место, спешился, пригнулся, прислушался, крепко держа поводья.

Когда провожатые Айши проехали мимо него, он внимательно оглядел каждого из них, после чего снова взобрался в седло и тронулся по их следу. Перевалило за полдень, когда из-за другого могильника показался второй всадник. Бока его светлой поджарой кобылы с короткой гривой и редким хвостом были покрыты потом. Всадник поравнялся с минаретом, когда из скважины в стене вдруг выпорхнула пара удо- дов. Конь испуганно метнулся, но джигит успокоил его и, волоча соил, выехал на край обрыва. Здесь он остановился, отогнул меховое ухо тымака. Затем коснулся крупа кобылы камчой и пустился по следу. оставленному недавно сивым конем широколицего.

На верхней губе джигита чуть-чуть пробивались усики. Худощавый, светловолосый, скуластый, ехал он легко и быстро, будто перекасти-поле, гонимое ветром. Когда он достиг вершины холмов Ак-Таса, солнце уже переместилось на запад, ушло за рощу Шотана. Юноша окинул взглядом ровную степь, омываемую рекой Сары-су, долину Кара-Шалгы. Вдали, подняв-облако пыли, шло стадо. Острым своим взором юноша различилдвигающуюся в конце стада группу всадников.

- Вот они где,- громко сказал он и тут же заметил одинокого джигита,

который волчьей походкой, скрываясь и таясь, следовал за верховыми. Губы его тронула довольная улыбка, и он двинулся напрямик через степь, скатертью расстилавшуюся перед ним. Гнал во весь дух, не щадя коня, и вскоре достиг края Кара-Шалгы. Две пары глаз и ушей - всадника и коня - напряженно, вглядывались, напряженно прислушивались к каждому шороху. Конь легко, как серна, переставлял ноги, при каждом постороннем звуке прядал ушами, пугливо блеснул глазами.

Внезапно он вздрогнул и шарахнулся в сторону. От неожиданности джигит чуть не выпал из седла.

Бесшумно, будто сокол парящий, вырос перед ним тот самый джигит на сивом коне, которого он заметил издалека, но затем упустил из виду.

- Что, испугался, Алькей, - поддел друга джигит на сивом коне.

- Немножко есть, Абиль,- засмеялся юноша.- Я так спешил, что не заметил, как обогнал тебя. А у коня, как известно, глаза и уши спереди, так что ты застал нас врасплох.

- Они ли это? - указал Абиль на движущееся черное пятно, едва различимое в наступающих сумерках.

- Да, они направляются к Айдеке, но заночуют скорей всего в ауле Сыздыка, у бая Бименде. Ну, нам тоже пора, а то упустим их из виду, ночь наступает,- сказал Алькей.

- Ты прав, не минуют они таких богатых родственников,- согласился Алькей. Его кобыла заржала, и седок натянул повод. Сивый конь Абиля лишь неодобрительно повел ухом на призыв кобылы.

На землю опустился вечер. Провожатые Айши действительно решили остановиться в ауле Сыздыка. Они разбились на две группы. Жениха и его друзей Корженбай поместил у Бименде, а женщин и сватов, ехавших за выкупом, устроил у Мусереле.

Сыздык, чье имя носил аул, был отцом Бименде. Мусереле же, человек тишайший, среднего достатка, приходился Сыздыку племянником. На его матери Сыздык женился после смерти своего брата, отца Мусереле.

У бая Бименде имелось две юрты, и в каждой из них жила женщина. Юрты стояли рядом, чуть ли не касаясь друг друга. Большая юрта старшей жены, поменьше- младшей. В маленькой юрте кроме того хранились выделанные шкуры, продукты, товары для обмена и продажи.

Шакир и его спутники расположились в юрте старшей жены Бименде вольготно, будто в собственном доме, и чувствовали себя радостно, весело, как люди, чьи лошади взяли приз на состязаниях.

Бименде был крепким хозяином. Позади его юрт стояли телеги, жнейки. Жуя жвачку, громко сопели коровы, копошились овцы, телята, сбились в кучу верблюды с верблюжатами.

Лошади приезжих были привязаны близ меньшей юрты. Там же кипели самовары, подле которых сновали женские фигуры.

Бай Бименде будто распух от чванства. Казалось, тесно ему в юрте от мыслей о собственном величии. В самом деле, из дому шагу не сделал, только,

можно сказать, мизинцем шевельнул и тут же высватал Шакиру писаную красавицу. Ему, мастеру обделявать свои делишки с помощью самого беспощадного обмана, было приятно видеть столь наглядное подтверждение своей значимости.

Сияя, как лужа на солнце, заплывшим лицом, он обратился к старшей жене:

- Вели нарезать барана пожирнее. Видишь, какую птаху наш родственник поймал.

- Для хорошего человека ничего не жалко,- в тон мужу отозвалась жена, но тут же не удержалась от язвительной реплики: - Не сглазить бы только... И почему он не присмотрел невесту среди наших девушек? Разве перевелись у нас лебедушки, достойные такого орла? - Не болтай, чего не понимаешь, баба! Чтоб я таких речей больше не слышал,- оборвал ее помрачневший Бименде.

Женщина, посмеиваясь, удалилась. Она заглянула в юрту токал, дала распоряжение приготовиться к разделке свежей убоины, затем выбрала на котане подходящего барана и, покончив с хлопотами, вернулась в свою юрту. Следом за ней зашел Корженбай.

- Проходи на почетное место,- улыбнулся ему Шакир.

- Э-э, я вижу, . удачная охота на красную лису сдружила вас,- добродушно заметил Бименде.

- Гончая достойна награды за такую добычу, гончая ждет угощения,- шутливо намекнул Корженбай, усаживаясь на торе.

Бименде весело расхохотался, колотя себя кулаками по тугому животу. Бокал с помощью другой женщины внесла огромный кипящий самовар и принялась заваривать чай.

Возьми <сто девятый> или <белохвостку>'. И самые свежие сливки давай, которые из-под сепаратора,- велел ей Бименде.

- Не волнуйся, самый лучший чай подадим, какой у нас есть,- успокоила его старшая жена.

- Крепкий чай со сливками - подходящий напиток для людей, везущих отменную девушку,- важно изрек Бименде, и гости закивали, задвигались, закряхтели, выражая тем самым удовольствие.

В юрту несмело заглянул невысокий мужчина с редкой, свалывшейся бородой, в поношенной одежде. Он, потоптавшись, остановился у входа и раскланялся:

- Здравствуй, Бименде. Салам, Шакир. Поздравляю тебя.

- Спасибо, коли не шутишь. Сам-то как поживаешь? - спросил Шакир.

- Скрипим помаленьку, - неопределенно ответил мужчина.

- Рад тебя видеть, Конырбай. Споешь сегодня в честь Шакира? Слышал, поди, какую молодуху он себе отхватил? - обратился к нему Бименде.

- Ладно-ладно,- согласился Конырбай.- Как и в прошлый раз Шакиру пел, так и сейчас спою. Я бы раньше пришел, да ребенок у меня болеет, целый день меня не отпускал. Я и сейчас, можно сказать, хитростью из дома вырвался. Уж больно охота было с Шакиром да с вами повидаться.

Старшая жена расстелила перед гостями пеструю скатерть, выставила баурсаки, сахар. Токал тем временем разлила в узорчатые фарфоровые чашки чай.

- Конырбай, а ты отчего не женишься? Легко ли бобылю с малыми детьми? Говорят, ты даже корову сам доишь? - обратилась к пришедшему старшая жена Бименде, хлопотавшая у самовара.

- Ой, Жумабике, иль думаешь, женитьба плевоедело? Кто ж за меня такого пойдет,- ответил Конырбай.

- Э-э, бедолага!.. Да почему же нет-то? Ты погляди на Шакира - месяца не прошло, как жену похоронил, а уже новую везет. Или Бименде возьми, я и помереть не успела, а он вторую жену привел,- уколола байбише мужа. Корженбай, Шакир и сам Бименде расхохотались.

- Ай, Жумабике, кого с кем равняешь? Не ровня я уважаемому Бименде. И кто задаром отдаст дочку за бедняка, а у меня средств совсем нету, чтобы жену купить,- закручинился Конырбай.

- Как знать! Все в жизни как-то устраивается, была бы охота,- возразила ему байбише.

- Подсаживайтесь к нам,- предложил Конырбаю Акаш, один из спутников Шакира.

- Не надо. Кушайте сами. Я так зашел,- смутился Конырбай.

- Иди, иди,- поманил его Бименде, и Конырбай решил наконец приблизиться к дастархану.

- Видать, не нужна тебе вовсе жена, а то нашел бы, чем заплатить, - развязно обратился к нему Корженбай, наполняя блюдечко густым настоем "белохвостки". - Прошлый год, когда ты на джайляу кочевал, у тебя скота много было, я помню...

- И я помню. Да только нет больше у меня этой скотины,- ответил Конырбай, неловко потянувшись за крохотным баурсаком.

- Если признаешься, сколько у тебя на самом деле скота, то уж так и быть - сыщу тебе подходящую жену, - продолжал вышучивать его Корженбай.

- Ой, байгус!.. Вот сказал так сказал!.. Ведь и впрямь найдет. Наш Корженбай - сват ушлый! - усмехнулась Жумабике и хрупнула куском сахара. Все снова расхохотались.

- И впрямь, давай отчет Корженбаю, коли хочешь, чтоб твое дело сладилось,- подхватил Бименде.

- Хорошо, считайте... Две коровы с телятами - раз, десять голов овец с ягнятами - два, одна лошадь, один верблюд и один теленок годовалый. Вот и вся моя скотина, а в юрте трое ребятишек рты разевают, как галчата...

- Ой-ой! Куда ж ты остальной скот девал? Разве при жизни жены у тебя его столько было? - подозрительно спросил Корженбай.

- Куда девал, говоришь?.. Часть съели, часть в джугт сдохла, часть потерялась... На днях вот жулики последнюю стоящую кобылу угнали... А прошлой зимой Абдрахман подлец взял верблюда, сказал, что будет возить с завода кладь в город, а мне деньги заплатит. Да так и не вернул верблюда, и

денег я от него, считай, никаких не видал, если не считать задатку. А что задаток - гроши.

- Как же это так? - удивились присутствующие.

- Да вот так. Я говорю: где верблюд? А он говорит: твоего верблюда пристав арестовал и солдатам отдал.

- Каким солдатам?

- Тем самым, которых забрали из поселков, чтоб с немцами воевать.

Абдрахман говорит: еду из города, а навстречу мне целое войско солдат.

Поравнялся, говорит, я с ними, приставы и стражники, что солдат вели, мне велели с верблюда слезть, да я не послушался. Они тогда избили меня и твоего верблюда со всей упряжью арестовали. Сели, говорит, на сани и уехали.

- И что же, только твоего верблюда забрали? Остальных не тронули? - поинтересовался Шакир.

- Да, он так мне сказал...

- И бумажки никакой не дали?

- Говорит, что не дали.

- И он тебе ничего не заплатил?

- Гроши заплатил, я же сказал, задаток. Чтоб он провалился со своим задатком! - вырвалось у Конырбая.

- Да ведь это чудеса какие-то, - сказал Корженбай, оглядываясь на Бименде и Шакира.

- Почему ж ты не попросишь нашего Бименде, чтоб он взыскал в твою пользу с Абдрахмана стоимость верблюда? - спросил Акаш. - Я просил, но уважаемый Бименде человек занятый, - Конырбай льстиво изогнулся, стараясь не глядеть на бая. А Бименде вновь напыжился.

- С Абдрахманом только дурак может дела затевать, - сказал он. - Такой собаке не то что верблюда, жира верблюжьего давать нельзя. Хотя... может, и не врет он. Прошлой зимой и впрямь много народу забрали в солдаты из поселков и аулов, много их по дорогам шаталось. Когда мы прошлой зимой возвращались из города с возами, мне самому пришлось ехать впереди, пока не миновали поселки на берегу Нуры. И всю дорогу к нам солдаты привязывались. Это дай, то дай... Ну, поговоришь с ними по-хорошему, они тебя и не тронут. Помню, сын белоусого, русского из Жыланды, нам встретился, оборванный весь, и целая шайка с ним таких же, как он. Узнал меня, руку пожал и жалостливо так говорит: <На войну отправляемся... То ли отпустит нас немец живыми, то ли головы сложим...> Вынул я из кармана пятерку, возьми, говорю. Он и взял. А меня не тронул.

- Его брата тоже на днях забрили, - заметил Корженбай.

- Трудно, поди, им на чужбине придется, - сказал Акаш.

- О чем ты? Конечно, трудно. Разве они не люди? Кому легко, когда немец всех, как овец, режет, - отозвался Корженбай. - А ты что скажешь? - обратился он к Шакиру.

- А я скажу: ну и пусть режет этих кафыров. На нашу землю, на воду нашу да

на наш скот целились, урядников науськивали камчой над нашими головами махать, вот аллах и наказывает. Правильно, Конырбай? - разгорячился Шакир.

- Так-то оно так, да ведь вместе с ними и наш брат гибнет. Немец никого не щадит, немец по небу летает, огненные снаряды сверху кидает. Русский тут ни при чем, это пристав виноват, он моего верблюда забрал,- неожиданно осмелел Конырбай.

- Ну, вы потише тут про пристава да про урядника,- остановил их Бименде. Возникло неловкое молчание. Жумабике прошла в меньшую юрту, где джигиты уже освежевали баранью тушу, а токал мыла посуду.

- Ладно, Конырбай, не унывай, - постараюсь помочь тебе, - хлопнул ладонью по колену Бименде.- А теперь спой песню в честь Шакира и его невесты, - приказал он, откидываясь на подушки.

- Да уж и не знаю, что-то не в голосе я сегодня,- начал было отнекиваться Конырбай.

- Спой, спой. Что ломаешься? - укорил его Корженбай.

- Я не ломаюсь. Хорошо. Что спеть? Давайте какую-нибудь короткую. Вот такую, например,- сказал Конырбай и начал:

Жизнь наша, как ночь, темна

И, как темница, тесна.

О, если б не наши ссоры-

Отрадной была бы она!

Лихие пришли времена,

Земля всем, вода нужна.

Желаний душа не вмещает,

Не вычерпать горе до дна.

- Нет, все-таки нету у меня сегодня голоса,- прокашлявшись, сокрушенно сказал Конырбай.- Давайте я вам лучше стихи прочитаю...

И, не ожидая позволения, стал декламировать:

Казах, ты невежеством ослеплен,

Посмешище ты для культурных племен.

Не думаешь ты о грядущем степей,

Беспечность несет тебе горе и стон.

Казах, отчего же так ветренен ты?

Устал кочевать! И, как заяц, в кусты

От пристава вмиг убегаешь дрожа.

Народ, отчего же трусливым стал ты?

Не можешь, не смеешь вернуть то назад,

Что взял у тебя твой единственный брат.

Кто, кто вразумит нас? И кто во врага

Вперит полный смелой решимости взгляд?

Кто сердце отдаст за любимый народ?

Где тот человек? И когда он придет?
Слова бедняка никому не нужны,
Кричит только бай, хоть и крив его рот.

Протяжным вздохом закончил Конырбай свое чтение и вновь съежился, избегая смотреть на Бименде.

Но бай был невозмутим. Казалось, ему и в голову прийти не могло, что последние строчки Конырбая имеют к нему хоть какое-либо отношение.

- Да ты акын! - воскликнул Корженбай. - Хорошие слова. Правильные слова!

- заметил Акаш. - Возьми наш род: лучшие луга на берегу Куры, лучшие уголья переселенцам отдали. Пристав нас оттуда насильно выгнал. Да вы все знаете, отец мой поневоле должен был перебраться на каракесек, землю родственников моей матери.

- Ладно, хватит ныть, - оборвал его Бименде и важно обратился к Конырбаю:

- Да, ты действительно акын. Скажи, ты сам эти песни сочиняешь?

- Где уж мне сочинять, - пробормотал Конырбай, по-прежнему пряча глаза. - Что в книжках вычитаю, то и пою.

- Так ты книжки умеешь читать? Почему ж ты свои знания скрываешь?

Такие, как ты, детей обучать должны! - вскинулся Корженбай.

- Какой из меня учитель, - махнул рукой Конырбай. - Так, немножко кумекаю по-тюркски. Что под руку попадется, то и читаю. А если понравится - наизусть заучиваю. Я стихи с детства люблю...

Неожиданно в юрту робко ступил мальчуган в рваных шароварах. Первой его заметила 5Кумабике.

- Э-э, чей это ребенок? Уж не твой ли это сын, Конырбай?

Конырбай потрепал мальчика по голове.

- Что случилось? Зачем пришел? - спросил он.

- Утеш плачет... Тебя зовет, - смущаясь, зашептал малыш.

- Плачет, говоришь? Ну, тогда пойдем, - встал Конырбай.

- Заходи ко мне. На днях я поеду в город и, может, похлопочу за тебя, - бросил ему вслед Бименде.

- Спасибо, ага. Мир вашему дому. И тебе счастья, Шакир, - попрощавшись, сказал Конырбай.

Бименде, Шакир и Корженбай снова принялись толковать о всякой всячине.

'Акаш, на чьей обязанности было присматривать за конями, вышел вслед за Конырбаем. Лошади были привязаны крепко, и Акаш, взяв в провожатые какого-то мальчишку, направился в юрту Мусереле, где находилась Айша.

Побеседовав немного с ее братом канали, он пригласил его к Бименде.

Шакир и Корженбай сидели у юрты, тихо разговаривая. В тишине было отчетливо слышно шумное дыхание коров и телят. Вскоре Корженбай зашел в юрту, где перекинулся несколькими фразами с Бименде. Вышли они уже вместе, но Бименде тотчас исчез в юрте токал, дав знак остальным джигитам следовать за ним. В маленькой юрте с одной стороны от входа помещался сепаратор, с другой - тюки товара, дубленые шкуры. В глубине можно было различить несколько сундуков, поставленных друг на друга. Посередине, над

очагом, был подвешен котел. Запах молока, сливок, сухой кожи, вяленого мяса пропитал помещение. Бименде открыл один из сундуков и стал вытаскивать оттуда отрезы всевозможной мануфактуры.

- Вот сатин - сорок копеек. Вот тюк по двугривенному за аршин... Шелк-пай - по рублю двадцати... Бекесап - шесть гривен. Меткетон - тридцать копеек. Кретон - двугривенный за аршин. Ластик есть, драп, бархат. Одним словом, все, что твоей душе угодно,- сказал он Шакиру.

- Сначала ты отбери, что считаешь нужным, а потом - я, - обернулся Шакир к канали.

Бименде взмахнул деревянным аршином. Затрещала материя. Все эти покупки предназначались, конечно же, для Айши.

Ее провожали к каракесекам пятеро, в том числе мать. Двое проводимых,)Канали и Айдар, были ее братьями, двое других, Тинжен и Серик, тоже доводились родственниками Кадыру. Тинжен был старшим братом Рапыш, Серик - младшим братом Рахии, жены Жанали.

Проводимые удобно расположились в большой прокопченной юрте Мусереле и молчали, изо всех сил стараясь придать себе важный вид.

Дочь Мусереле, сверстница Айши, сидела напротив невесты, которую поместили с правой стороны юрты на постели снохи.

Сноха Мусереле была занята приготовлением чая. У очага, степенно поглаживая бороду, восседал сам хозяин.

Пожилая жена его входила и выходила из юрты, приглядывая за тем, как сноха готовит чай. Затем она отправилась на котан, где, осмотрев овец и баранов, энергично принялась шептаться о чем-то с сыном. Сын, выслушав ее, зашел в юрту.

- Аке, можно вас на минутку...

- Можно...- Мусереле поднялся, сделав понимающее лицо. - Чем гостей будем угощать? - вполголоса спросила его жена.

- Откуда мне знать? Сама смотри,- ответил он.

- Может, нарезать одного из двух серых козлят?

- Удобно ли?... Слух следует за гостями. Все-таки везут невесту сына Боранбая. Если Боранбай узнает, что мы подали козленка, нам же стыдно будет... Заколите барашка ради такого случая,- решил Мусереле.

- Ягненка от карнаухой молодой овцы, да? - сказала жена.

- Нет, лучше от старой. Без ягненка она хотя бы разжиреет к зиме,- возразил сын Мусереле.

- Правильно. От старой. Давайте быстрее принимайтесь за дело,- велел хозяин и, возвратившись в юрту, обратился к снохе: - Разожги огонь пожарче, не жалей дров, жаным. И где же твой чай? Разве не видишь, что люди измотались с дороги. А ты, Айнаш,- повернулся он к дочери,- ступай матери помощи, пока окончательно не стемнело.

Гости поняли, что их собираются угостить мясом, и кое-кто из них мигом потерял напускную важность. А худой безбородый Тин-жан из рода каракесек, ехавший в качестве почетного представителя Боранбая, даже

аппетитно причмокнул губами и тайком сглотнул слюну.

Подали чай. Мусереле сел поближе к огню. Айнаш зажгла светильник.

Байбише и сын Мусереле втащили в юрту упирающегося барашка. Следом за ним скользнул белогрудый пес. Он вилял хвостом, переводя взгляд с трепещущего животного на хозяина и умильно облизывался.

- А-а, привели скотину? Свершите молитву, и ты, Турсун,- обратился Мусереле к сыну,- заколешь барашка... Пшел вон! - гаркнул он на пса.

Белогрудый, поджав хвост, удалился, но не далеко. Остановившись у порога, он дожидался удобного момента, чтобы снова пробраться в юрту.

Небо закрыли тяжелые серые тучи. Тьма поглотила и речку Сары-су, и степь с высокой травой, и горы, и холмы. Лишь огоньки близлежащих аулов слабо мерцали в кромешной темноте. Да изредка доносились обрывки громкого смеха, отдельные слова аульчан.

А в ауле Сыздыка, состоящем из восьми юрт, было шумно. Все юрты освещены. Везде люди. Отовсюду слышатся голоса гостей и хозяев. Лошади спутников Айши стояли на привязи за юртой Мусереле. Близ юрты Бименде всхрапывали кони Шакира.

Ярко пылали очаги. Грызлись, ворчали псы, чуя запах свежей крови.

Раздался предсмертный хрип барашка, и белогрудый пес стрелою бросился к юрте Мусереле.

Таз с дымящейся кровью, вынесли к порогу, и белогрудый окунул в него морду. Раздалось жадное чавканье. Подбежавший рыжий щенок тоже было сунулся к тазу, но белогрудый ощерился и грозно зарычал. Щенок поджал хвост, лизнул край посуды и смиренно 'установился на хозяина положения. Столь явные признаки послушания успокоили белогрудого, и он перестал обращать внимание на щенка, целиком отдавшись своему приятному занятию, торопливо насыщаясь лакомым блюдом.

Скрываясь в ночной мгле, двое верховых с соилами осторожно приблизились к аулу. У обоих полы чапанов были подобраны, уши тымаков загнуты. Их лошади ступали бесшумно, точно кошки. Всадники напряженно, до рези в глазах, всматривались в темноту.

- Берегись, как бы уздечка не звякнула,- еле слышно шепнул Абиль, который чуть опередил своего спутника.

Перед этим они долго наблюдали за аулом. Двигались крадучись, стараясь держаться тыльной стороны юрт. Вдруг громко загавкала собака. Коня замерли, как вкопанные. Всадники прислушались.

- Нет их здесь... Вроде бы это не Сыздыка аул. И лошадей нет, и по юртам не заметно, чтоб в них гости были,- шепнул светловолосый юноша.

Собачий лай затих.

- Да, мы влево взяли,- ответил Абиль.

Они повернули коней с таким расчетом, чтобы проехать оврагом. В большой юрте, стоявшей на откосе, мелькнул огонек, послышались голоса. Почти впритык к большой юрте, будто находясь в ее объятиях, прилепилась вторая, поменьше, но в ней огня не было.

Светловолосый Алькей повернулся к другу:

- Видишь, что-то темнеет у большой юрты. По-моему, чья-то лошадь привязана.

- Подъедем ближе,- предложил тот.

Они проехали по дну оврага и вскоре выбрались на лужок со скошенной травой. Вдруг серая кобыла вздрогнула. Сивый Абиля сделал шаг и тоже остановился. У широколицего джигита заглодело сердце. Он легонько ударил коня, но конь не двигался, стоял, как кошка, учуявшая добычу, или как насторожившаяся мышь.

Алькей пытался хоть что-нибудь рассмотреть. Пронзительный взгляд его, казалось, буравил тьму.

- Ой-бай, конь кого-то заметил,- сказал Абиля.

- В этом ауле, похоже, гостей тоже нет. Лошадь стоит у керме. Чья она, как ты думаешь? Мне кажется, так привязывает коня Муса, сын Исабека... Должно быть, это его аул...

- Хотелось бы мне все же знать, что видит мой конь. Он смотрит на эти овражки. Нет ли там кого? Давай-ка заглянем туда,- предложил Абиля. При этих его словах шагах в пятидесяти от них выросла и тут же скрылась в овраге фигура какого-то джигита в длиннополой одежде. В тот же миг другая тень, судя по очертаниям женская, прижимаясь к земле, кинулась в степь. Кони шарахнулись и понесли. Залаляли собаки, бросившиеся им вдогонку, но верховые будто канули в ночной мгле.

Из юрт высыпали люди. и громкими криками стали поощрять собак.

Запыхавшаяся сноха Мусы торопливо рассказывала деверю о своей встрече с двумя верховыми:

- Ой-бай, пошла я по нужде вон туда и вижу: едут двое. Как только заметили меня, умчались. Ишь, как собаки заходятся...

О тени, скрывшейся в овраге, она по одной ей известной причине предпочла умолчать. Ее деверь, молодой джигит, так и ахнул:

- Ой-бай, умчались, говоришь? Это. воры! Точно воры! Почему ты замешкалась? Почему сразу не кричала?

Не дождавшись ответа, он опрометью кинулся в юрту и столкнулся с Мусой. Тот, прихрамывая, подошел к снохе.

- В чем дело?... Сколько их было? В какую сторону поехали?

Аул всполошился. Везде слышались возгласы: - Воры! Воры!

Движения Мусы стали торопливыми, голос прерывался, и даже хромота, казалось, усилилась.

- Нужно скорей аулы оповестить... Отея! Асаутай! Ступайте и предупредите Умбета. Бейсембай, Аккубамчитесь к Искандеру. Жумагул! Сат! Поезжайте к Бименде! У них в ауле гости и лошадей полным-полно. Поставьте осторожно к табунам джигитов. Чтоб все начеку были! - распорядился он.

Потом еще раз спросил сноху о том, что она видела. Хитрая женщина без запинки повторила:

- Я кумган взяла и пошла по нужде. Вот так... Вдруг вижу - стоят в овражке

двое верховых, смотрят на нашего каурого. То есть, сначала я заметила, что это верховые. Думала - кони отбились от нашего табуна. Ближе подошла и вижу - двое верховых. Тут и они меня заметили, испугались щ ускакали. Тогда-то я и поняла, что это - недобрые люди, а сразу не поняла, почему и не кричала.

- Ой-пырмай! Слава аллаху! Если бы не Кантбала, увели бы коней. Табуны-то у нас без караульщиков!- заахал Муса.

Первая растерянность прошла, и люди уже перекидывались шутками.

Тем временем шесть аулов были оповещены, и жители стали срочно предпринимать для охраны все, что только было можно. Те, у кого лошади паслись в табунах, сговаривались о посылке туда верховых. Вместе с Жумагулом и Сатом в аул Сыздыка приехали двое джигитов. Один из них был сыном Бименде, другой- соседом бая.

Они приветствовали Мусу и людей; столпившихся вокруг него.

- Муса-еке! Отец спрашивает, не послать ли еще всадников? Надо, говорит, отправить в табун по одному человеку от каждого аула. Отец предлагает народу побольше снарядить,- сказал сын Бименде.

- Правильно!.. Отлично!.. Согласен... Подождите, я сейчас. А ты, Жумагул, и ты, Утен, ищите себе коней, а коли не сыщете, то хоть на верблюда садитесь, но поезжайте к табуну. Остальные пускай остаются сторожить аул,- распорядился Муса и добавил: - Если мало коней, садитесь по двое на одну лошадь, но чтоб были в табуне! А я отправляюсь к Бименде. Эй, кто-нибудь там! Принесите мне мою пику!

Конь его перебирал ногами, фыркал, рвал повод.

- Ой-пырмай, видать, чует, что будет гонка. О, аллах!.. Ну где же седлом Седлайте быстрее!.. Пика, пика где моя? - суетился Муса. Булькало в казане мясо только что заколотого барашка. Айша встала, чтобы в сопровождении дочери Мусереле выйти наружу. Сноха, хлопотавшая у очага, оставив работу, присоединилась к ним.

- Светики мои! Будьте осторожными, чаще по сторонам смотрите, ишь, вечер какой темный!.. Как там лошади наших гостей? Скажите караульщику, чтоб не дремал,- напутствовал Мусереле дочь и сноху, хотя взгляд его был устремлен на Айшу. В шароварах, чапане, шапке из лисьих лапок она выглядела юным джигитом и, лишь присмотревшись, можно было понять, как очаровательна она.

<Что за девушка!> - восхищенно подумал Мусереле.

После яркого света окружающая тьма казалась женщинам непроницаемой.

- Темень! Ни зги не видать,- сказала дочь Мусереле.

- Хоть глаз выколи. Смотрите не споткнитесь. Так темно, что страшно становится, - подхватила сноха.

- Страх делу не помощник. У всякого жизнь темна, кто по своей воле жить не может. Не надо бояться темноты, наши глаза скоро привыкнут к ней,- сказала Ай-

ша и, осторожно ступая, стала огибать юрту.

При их приближении Серик, карауливший коней, поднялся с места.

- Как дела, Серик? - спросила, останавливаясь перед ним, Айша.

Неожиданный вопрос девушки, не раскрывавшей рта в продолжение всего пути, удивил джигита.

- Да вот... караулю... Уж не хотите ли помочь мне? - пошутил он.

- А ты что, устал? - вмешалась в разговор сноха.

- Вторую ночь не сплю. Лишь урывками подремать удастся,- признался Серик.

- Хороший ты сторож, если с вечера о перине мечтаешь,- поддела его сноха.

- Кому придет в голову угонять лошадей из такого многочисленного аула?

Пусть себе спит на здоровье, - , усмехнулась Айша.

Женщины со смехом зашагали к зарослям чия.

- Кричите громче, испугаем притаившегося вора

или волка,- обернулась Айша к спутницам. И - Дай я попробую,- предложила дочь Мусереле.-

Э-эй! Айт! Айша со снохой расхохотались и подхватили крик девушки.

Из юрты вышел брат Айши Айдар и стал шепотом переговариваться с

Сериком. Изредка они посматривали туда, откуда доносились голоса

женщин, но разглядеть ничего не могли, хотя из зарослей чия слышался

смех, возгласы, звон кумганов. Голос Айши, что-то рассказывавшей дочери и снохе Мусереле, звенел, как ручеек, бьющийся о хрупкий лед.

Айдар, делая вид, что осматривает лошадей, несколько раз громко выкрикнул:

- Айт!.. Эй!.. Ушут!..

После чего снова вернулся в юрту.

Тихая ночь. Лишь обрывки разговоров да блеянье овец доносились из

соседних аулов. Вдруг женщинам почудилось, что некто, скрытый во мраке подкрался к ним: куст чия перед ними качнулся.

- Мне кажется, здесь кто-то ходит,- сказала сноха, указывая на куст.

- Ну, кому здесь быть? - спокойно возразила Айша. Чий снова заколыхался.

- Ой, и вправду тут кто-то есть!.. Ой-бай, а вдруг это вор? Пойдемте скорей домой, расскажем нашим,- встрепелась дочь Мусереле.

- Брось ты! Вору скотина нужна, а разговор девушек и молодых интересует лишь джигитов. Вот увидишь, оттуда выйдет один из тех, кто мечтает потолковать с тобой,- успокоила ее Айша и обратилась к колыхавшемуся кусту:

- Милости просим, покажитесь нам. Здесь, кроме девушек и молодой снохи, никого нет.

Неожиданно из-за стеблей чия раздался приглушенный шепот:

- Прошу вас, не бойтесь меня...

- Мужчина! - взвизгнула дочь Мусереле.

- Мужчина! - эхом отозвалась сноха.

- Не шумите! Мне нужно вам кое-что сказать,- проговорил тот же голос.
В зарослях показался высокий светловолосый джигит. - Здравствуйте...
- Здравствуйте! - ответили пораженные девушки и сноха.
- Айша, прости... Ты мне нужна. Пусть спутницы чуток обождут тебя,- сказал джигит.
Айша вскочила. - Посидите, прошу вас, а я поговорю с этим человеком.
- Хорошо, хорошо,- растерянно пролепетали сноха и дочь Мусереле.
Джигит и Айша скрылись в кустах, но вскоре Айша вернулась.
- Я должна отдать ему одну вещь. Он специально за ней приехал из нашего аула. Пойдемте домой, я найду, что он просит, но вы никому не говорите о нашей встрече,- сказала она.
Молодухе и девушке казалось, что они понимают, к чему клонится дело.
- Ой-бай, зачем кому рассказывать? Зачем лишнее болтать? - заговорили они хором;
- Идемте! - скомандовала Айша.- Я засунула под подушку, на которой давеча сидела, сверток. Там в тряпочке несколько колец с камнями. А в коржуне, в другой тряпочке, лежат браслетка и серебряные монеты. Я обещала их этому джигиту. Ступайте, найдите их и принесите сюда. Мне неудобно так часто отлучаться, вы же свои люди, вынесете незаметно.
- Велишь нам рыться в твоём коржуне? Как говоришь - два свертка, один в коржуне, другой в ирге? - спросила сноха.
- Да...
- Куда ты положила сверток, на землю или между кошмами? - продолжала допытываться сноха.
- Если не ошибаюсь, сунула между кошмами... Коли там не окажется, посмотрите на земле. В крайнем случае, скажите моей матери, она найдет.
- Мы и сами справимся,- уверенно заявила дочь Мусереле.
Втроем подошли они к Серику.
- Что так долго гуляли? - усмехнулся он.
- Разве долго? Нам казалось - быстро.
Серик заухмылялся и, не найдя, что ответить, лишь многозначительно кашлянул.
- Я здесь постою, а вы ступайте,- обратилась Айша к спутницам.- Если спросят обо мне, скажите, мол, что осталась' около джигита, который стережет лошадей, сейчас придет. Ступайте и с пустыми руками не возвращайтесь.
- Ладно, ладно...
И сноха с девушкой вошли в юрту.
Айша повернулась к Серику. - Серик! Я спрятала в попоне одну вещь... Я должна была отдать ее Рахие, да позабыла, с собой увезла. Я ее передам тебе, благо, случай удобный подвернулся. Приведи-ка моего коня, - торопливо сказала она.
- Что за вещь такая? - заинтересовался Серик.
- Веди коня, я достану, и ты увидишь.

Серик подошел к керме, быстро отвязал лошадь и подвел ее к Айше.

В юрте слышали топот копыт и кто-то крикнул:

- Эй, что случилось, Серик?

- Здесь я. Коня половчее привязываю, - ответил джигит.

Айша стала шарить в складках кошмы.

- Ой-бай, нету! Значит, в коржуне надо искать. Ступай скорее, найди мой коржун и принеси узелочек, завернутый в белую тряпицу. А лошадь я сама привяжу. Торопись, пока женщины не пришли, - стала она подгонять Серика, забрав у него поводья.

Глаза Айши возбужденно сверкали, но Серик, не заметив этого, торопливо направился к юрте.

Когда он скрылся за пологом, Айша развязала кушак, которым была опоясана, туго затянула им чапан и вскочила на рыжего коня.

- Умчи меня отсюда, мой тулпар, - шепнула она, натягивая поводья.

В аулах по-прежнему царила тишина, но двое джигитов с соилами наготове, спрятавшиеся в зарослях чия, были готовы к схватке - чекмени, чапаны туго подпоясаны, тымаки плотно надвинуты на головы, тесемки ту-го завязаны под подбородком.

Первым почувствовал приближение девушки сивый Абиля. Серая кобылица под светловолосым джигитом тоже насторожилась. Мелькнул силуэт скачущей девушки.

Абиль успокаивающе потрепал коня по шее и тихо сказал товарищу:

- Послушай, как бьется у бедняги сердце.

Вдруг конь снова встрепенулся и резко повернул вправо. Джигиты обмерли: под покровом тьмы к ним приближались четверо всадников.

- Там - Айша, здесь - погоня. Они выследили нас, так что скрываться поздно. Будь что будет - я буду драться. А ты скачи к Айше. Если это все же не она, езжай прямо к юрте. Сейчас поднимется переполох, и в суматохе ты увезешь ее, - приказал Абиль. Тем временем четверо всадников, прорезав ночную тишину криками, стали наседать на джигитов.

Те разогнали коней, подняли соилы.

Собаки всех близлежащих аулов подняли оглушительный лай. Отовсюду неслись взволнованные голоса, drobный конский топот.

- Бей! Коли! Враги! Все на коней! - вопили всадники, стремительно атакующие заросли чия.

Они, размахивая оружием, все ближе подъезжали к Абилю. Два соила коснулись его, но он изловчился и ловким ударом вышиб дубину из рук одного из всадников.

Тем временем Алькей нагнал Айшу.

- Поехали, не бойся! Абиль остановит их, - сказал он девушке и поскакал с нею рядом.

Но двое из нападавших, отделившись от своих, пустились за ними в погоню. Кольцо верховых, выехавших из всех аулов, смыкалось. Голоса приближались.

- Не заплутайтесь! Не заплутайтесь! Враг здесь! Здесь! - кричали они. Аби́ль взмахнул соилом, длинным, как расстояние от торе до порога юрты, и, хлестнув коня, помчался прямо на всадников.

- Издохните, как собаки! Всех порешу! - рычал он. И они, не выдержав его натиска, отступили к камышам, растущим на берегу реки, и на время затаились. Однако пара всадников, мчавшихся вдогонку за Айшой и Алькеем, уже настигала их.

Аби́ль, не знавший, встретил его товарищ Айшу или нет, пустился рысью за двумя верховыми, мчавшимися за теми первыми двумя, что преследовали Айшу с Алькеем, и вскоре обогнал их.

- Остановись! - крикнул ему один из верховых.

- Слезай с коня, а то худо будет,- другой всадник вырвавшись вперед, за~нес над ним пику.

- Ты у меня скорей издохнешь! - Аби́ль, раскрутив соил, как веретено, замахнулся, но всадник с пикой ловко уклонился от удара и отстал от Аби́ля.

- Где враг? - слышались голоса.

- Здесь он. Сюда, - раздавалось почти рядом. Аби́ль снова вырвался вперед. За ним последовал всадник с пикой. Так и скакали они, преследуя друг друга в ночной степи. Увидев наконец двух верховых впереди, узнав в них друга и сестру, Аби́ль облегченно вздохнул. - Айрылма! Айрылма! - крикнул он.

- Езжай рядом. А я вышибу из седла своего преследователя,- предложил Алькей.

Сивый конь, серая кобыла и рыжий скакун мчались бок о бок. Всадник с пикой придержал коня, поджидая своих. Аби́ль бросил через плечо быстрый взгляд и проговорил на ходу:

- Следом за ням другие скачут. Среди них - один толстяк, похожий на Бименде. Давно у меня на этого Бименде руки чешутся. У того, с пикой, конь - настоящий рысак. Он меня два раза догонял, да только пику толком держать ~не умеет, трус, видать, изрядный. Но если у тех, кто следом скачет, лошади такие же хорошие, он живо похрабреет, и нам несдобровать. А Бименде, если это, конечно"он, я рожу все-таки раскровению, чего б мне это ни стоило. Лошади как у вас идут?

- Конь Айши легко, а моя серая кобыла может подвести,- сказал Алькей.

- Попробуемся отбиться от этой троицы. Но если остальные все же успеют, ты, Айша, гони что есть мочи. Мы же вдвоем их задержим. И если нам Бименде попадется, клянусь, что мы кровью заставим блевать этого мерзавца.

- Ты прав... их ~надо здесь задержать. У Айши лошадь хорошая, пусть она одна едет, а мы ее потом догоним... Поняла, Айша? Поезжай и запомни условные слова <хол табар> и <айрылма>. Поняла? - торопливо заговорил~Алькей"прислушиваясь к крикам преследователей.

- Поняла... А если я заблужусь?

- Не заблудишься. Держись единого направления, по кромке оврагов, и мы тебя разыщем,- успокоил ее брат.

Троица преследователей подсакала почти вплотную. Абиль зорко следил за каждым их движением.

- Эй, стрелять буду. Остановитесь! - крикнул один из подъехавших.

- И мы будем стрелять. У нас тоже ружье есть. Мы ничего вашего не брали - почему вы за нами гонитесь? Чего вам от нас надо? - спросил Алькей.

- Мы хотим, чтоб вы сошли с коней. Все равно мы вас дальше не пустим, - ответили ему.

- Ай рыл ма - держи! Не упускай! - Видать, вам жизнь не дорога. Дуйте отсюда, пока целы,- крикнул Абиль.

- Мы не уедем, пока вас не изловим.

- Руки коротки,- расхохотались джигиты.

Алькей повернулся к Айше.

- Не медли, Айша, езжай... Мы их немного помучаем. А то они, видать" не отвяжутся от аас подобру-поздорову.

- Себя берегите,- попросила Айша.

- За нас не беспокойся. Все будет в порядке... Айша умчалась.

- Разъедемся по-хорошему. Мы вас не знаем, вы - нас, - предложил Абиль.

- Бей! Круши их! - завизжали всадники.

Абиль сжал коленями горячие бока лошади и стрелой помчался к левому флангу неприятеля. Алькей повернул направо.

Троица не поняла маневра джигитов и оказалась зажатой с двух сторон.

Абиль резко повернул коня.

- Ну, молись, настал твой конец! - крикнул он и, размахивая соилом, наскочил на одного из всадников.

Тот слетел с коня, как тымак с головы. Конь его захрапел, встал на дыбы.

Двое других преследователей с криками гнались за Абилем.

Алькей, горяча кобылу, кинулся на выручку. Всадник с пикою, скакавший сначала за Абилем, повернулся к нему и наставил на него пику. Алькей, схватив соил обеими руками, нанес ему сокрушительный удар. Пика выпала из рук седока, он сник, обхватив руками конскую гриву.

Третий всадник кинулся ему на подмогу, но тут уже Абиль:налетел на него, как черный сокол, камнем кидающийся с высоты, чтобы, закогтить свою жертву.

- Наконец-то я проучу тебя, собака Бименде! Исполню свое заветное желание. В клочья тебя разорву, торгаш и развратник, - шептал он.

Его противник развернул коня и пустился наутек, но Абиль достиг его и оглушил ударом соила.

Тот кубарем скатился с лошади. Конь его споткнулся и остановился.

Развернувшись, Абиль проскакал над поверженным врагом.

- Бей собаку! - крикнул он Алькею.

Вывалившийся из седла Бименде валялся на земле, как огромная мясная туша, и тяжело дышал. Из раны у него на голове сочилась кровь.

К месту побоища, яростно вращая соилами, скакали другие всадники, и Абиль с Алькеем поспешили удалиться.

Рыжий конь Айши мчался как вихрь. Девушке казалось, что возгласы <аттан>, <враги> до сих пор преследуют ее. То справа, то слева чудился ей drobный конский топот, и она, изогнувшись, будто конец камчи, зорко вглядывалась в темное пространство, отпустив поводья и предоставив коню самому выбирать подходящую дорогу.

Утихли наконец крики, возгласы. И топот погони остался далеко позади.

Мягкий ночной ветерок ласкал лицо Айши, остужал потные бока лошади, и ни единый звук не нарушал больше плотную ночную тишину.

Айша натянула поводья и оглянулась. Разгоряченная лошадь ~не стояла на месте, беспокойно перебирала ногами. И ночь по-прежнему безмолвствовала, будто проглотив все звуки и шорохи. Айша, сдвинув черные брови, искала глазами, привыкшими к темноте, своих спасителей, Абиля и Алькея, но казалось, что ночь вместе со всем остальным проглотила и этих джигитов.

<Или миновали они меня стороной?.. Или что случилось с ними?.. Может, схватили их? Может, крикнуть?.. Нельзя. Мой голос снова привлечет погоню. Вдруг кто-нибудь чужой на мой голос явится? Что мне тогда делать, если встречу в степи со злым человеком? - в волнованно думала Айша и тут же успокаивала себя: - Не нужно трусить. Нужно спокойно ехать дальше, и лучшего не придумаешь, потому что не торчать же мне здесь до рассвета... Конь у меня крепкий, выносливый. Глядишь, тем временем и джигиты меня догонят>.

Так ехала она, то и дело оглядываясь, пока не оказалась наконец у самого подножья холмистой гряды. Она снова остановилась, снова прислушалась.

Ни звука. И место казалось ей совсем незнакомым;

<Заблудилась>, - поняла Айша и посмотрела на небо. Она искала глазами

<Дети каракши> и <Темир казык>, но мохнатые тучи заслонили звезды.

<Стоит человеку попасть в беду, и небеса отворачиваются от него>,- горько усмехнулась девушка.

Она тронулась дальше, пытаясь определиться по холмам. Выехала на ровное место и увидела вдалеке новую цепочку возвышенностей.

Мысли ее бились, как человек, ищущий выхода из темной пещеры.

<Одна беда миновала, жди другую. Бродяги... Волки, рыщущие в степи...

Джинны, шайтаны... А что, если правда все эти рассказы о нечистой силе?..

Хотя... стоит ли мне самое себя пугать. И Кантабале - мало ли что со страху могло почудиться? Не зря же гласит пословица: <У страха глаза велики...>

Что Кантабале! Лучше думать о байбише Укежан, которая, переодевшись джигитом, такой же вот глухой ночью покинула опостылевший дом. Она плутала целые сутки, две ночи провела в степи, пока не выехала к становью Турсекена. Ее напоили коже и только после того, как она, снова сев на коня, спросила дорогу к аулу Кокена, байбише Турсекена по голосу опознала в молодом джигите женщину. И ведь была Укежан робкой, забитой, измученной непосильным трудом, когда решилась на побег. А я?.. Здоровая,

сильная, подо мной крепкая лошадь. Чего и кого мне бояться?>

Она внимательно оглядела себя.

<Разве я не настоящий джигит?>

Но и эта мысль не прибавила ей бодрости. Джигит не джигит, что толку, когда путь утерян, и совершенно неясно, куда скакать в этом мраке - влево, вправо, назад?

<Придется ждать рассвета, иначе мене отсюда не вы- браться>,- вынуждена была признать она.

Ей вдруг померещилось, что у подножия холма, высившегося справа, торчат какие-то мрачные силуэты, и сердце у нее захолонуло от страха. Тени сохраняли полное безмолвие. Айша тронула поводья. Ни звука.

.Приблизившись вплотную, она увидела, что перед ней не то двор, обнесенный ветхой изгородью, не то могильник. Страх заставил ее поспешно объехать таинственное строение. К тому же лошадь вдруг снова стала беспокойной.

Конь бежал, косясь на развалины, и Айша на секунду почувствовала облегчение, различив, что это действительно заброшенное подворье зимовки, а не могильник. И тут конь остановился столь резко, что она чуть не перелетела через его голову. Конь уже не прядал ушами, а напряженно, упрямо смотрел в темноту. По спине Айши поползли мурашки, ибо прямо из-под земли, как ей показалось, послышался жалобный, протяжный стон.

<Джинн? Шайтан? Волки?> мелькали в ее головестрашные догадки.

Протяжный стон сменился затяжным унылым воем. Неистово колотилось сердце Айши, лоб покрылся холодной испариной. И конь вдруг захрапел, резко скакнул влево. Еще мгновение, и Айша выпала бы из седла. Чудом сумела удержаться она, лишь сильнее стиснула коленями круп скакуна.

Вой слышался и слева, и справа, и спереди. Звук не исходил из какой-то определенной точки, а все время менял направление. Вой приблизился, и зоркий взгляд Айши наконец различил жуткие тени волков, припадающих к земле. Тускло светились зеленоватые огоньки их глаз. Было слышно даже, как цокают они острыми когтями.

<Зимой волки растерзали Караная. На снегу остались лишь обглоданные окровавленные кости>,- обожгло Айшу еще одно воспоминание.

Конь храпел, нетерпеливо, будто перед состязанием, перебирая ногами.

Волки, повизгивая, притаились поодаль, внимательно следили за каждым его движением.

"От людей, которые хуже волков, спаслась, так неужели от звериных клыков погибну?" - тоскливо ду- мала Айша, глядя на полуразрушенный, еле заметный во мраке двор зимовки.

"Если-ворота там целые - спрячусь внутри вместе с конем... Но изгородь низкая, обвалилась, и ворота наверняка сломаны - тогда, получается, сама себя на съеденье отдам?... А .может, найду во дворе палку, начну ей размахивать, волки убегут... Не зря же говорят, что одни не трогают верховых.

А волки нагнали все больше и больше, придвигались все ближе и ближе. Тут и там мерцали зеленоватые огоньки.

Первыми побороли страх два крупных матерых хищника. Они подошли почти вплотную и принялись от нетерпения рыть когтями землю.

- Эй!.. Айт!! Айт! .. - страшно закричала Айша. И конь, храпя, забил копытами. <Матеры> отступили, смешавшись со стаей.

Айша бросилась к зимовке.

Оглянувшись, она увидела, что стая неотступно следует за ней. - Эй!.. Айт!.. Айт!..- снова крикнула она и остановилась.

Стали и волки.

<И не единой живой души вокруг. Как быть, что делать?> - мучилась Айша. Безлюдное жилье, поначалу так испугавшее ее, теперь казалось ей надежной защитой. Конь косился на волков, следовавших за ними, на изгородь, выросшую впереди.

Айша, уверенная, что зимовка необитаема, все же не удержалась и громко закричала:

- Эй, кто там?.. Люди есть? Выйдите, помогите!.. Ответа, конечно же, не последовало, только волки, караулящие их, завывали еще тоскливее.

Айша въехала во двор, огляделась и заметила тощую копенку, обнесенную изгородью. Она, не слезая с коня, раскачала и выдернула увесистый кол. Тем временем волки окружили двор. Один из них сунулся было вперед, но конь вновь захрапел, вновь забил копытами, закричала Айша, размахивающая колом, и волкотступил.

- Айт! Айт! - Айша гулко лупила колом о землю. Вернувшись во двор, она внимательно осмотрела

каждый его уголок. Ворота отсутствовали. В маленькой хибарке не было ни одного целого окна, на соседнем подворье все тоже было разрушено.

А звери, оправившись от испуга, снова пошли в наступление, и как ни был плох двор, а все ж являлся он более надежной защитой, чем открытая степь. Айша поставила коня у забора, создав себе таким образом защиту с тыла, и приготовилась к обороне.

Из общей стаи вновь выделилась прежняя пара, волки метнулись, но Айша, истошно вопя, забила колом о забор, и хищники опять дрогнули.

У девушки кружилась голова. Вряд ли смогла бы она определить теперь, где восток, где запад, хотя, пока она отбивалась от волков, развиднелось, поблекла ночная мгла и очертания окрестностей выступали явственнее.

Тучи, скрывавшие небо, поредели, в просветах между ними мерцали звезды, сиял бледный тонкий лунный серп...

Но вот и лунный свет померк, и обозначился горизонт.

Айша, измученная ночной погоней, обессиленная от борьбы с волками, несказанно обрадовалась, увидев сиянье звезд и светлый отблеск зари. Это показалось ей добрым знаком судьбы, и утраченная сила, жажда жизни вновь возвратились к ней. Она оглядывалась по сторонам, пытаясь узнать

местность в рассветном сумраке.

Ободрился и конь. Айша с удвоенной силой била колом о забор, и волки, не решаясь возобновить нападение, жалобно повизгивали, нехотя отступая от своей жертвы все дальше и дальше.

Мгла рассеялась. Ясно были видны очертания окружающих предметов, и вдруг из-за холмов, осененных мягким светом зари, донесся долгий, протяжный звук. Он, казалось, разорвал сумрачную тишину.

<О, что это? Откуда?> - лихорадочно соображала Айша.

Звук внезапно оборвался. Секундная пауза, и снова протяжное гудение.

Айша внимательно пригляделась к холмам, к вздымающейся к югу от них цепи гор и внезапно почувствовала облегчение. Она узнала местность. Глаза ее вспыхнули огнем, будто увидела она на горизонте того, кого безуспешно проискала всю ночь.

- Э-э-э! - закричала она и, с силой хлестнув коня, бросилась на волчью стаю. И волки, съездившись, поджав хвосты, лениво потрусили прочь.

Айша некоторое время гналась за ними, а потом повернула в сторону тех холмов, откуда был слышен давеча таинственный звук, помогший ей избежать гибели.

Волки скрылись. Стало совсем светло. Айша мчалась по степи.

Издалека заметила она грудку камней - оба, похожую на человеческую фигуру, застывшую в высокой траве. Неожиданно она шевельнулась, будто воображаемый человек сделал какое-то движение.

<Может, и впрямь кто живой там стоит?> - подумала Айша, но вскоре рассмеялась, поняв свою ошибку: на вершине оба сидела громадная птица.

"Беркут. И похож на беркута охотника Сеидвалия", - определила Айша.

Беркут повернул голову и немигающим, гордым взглядом уставился на девушку. Она усмехнулась.

"И его, беднягу, тот звук разбудил раньше времени. Да... Теперь уж волки точно не посмеют приблизиться. Видно, они знают то, чего я не знаю..."

Вздрыгнул конь. Беркут расправил крылья и взлетел. Он летел навстречу заре, плавно взмахивая мощными

крыльями. Он поднимался все выше и выше, описывая все более широкие круги и наконец, блеснув в заревом сиянье, исчез за холмами.

...Когда утреннее солнце, поднявшееся из-за гор, рассыпало по земле золото своих лучей, Айша, скакавшая навстречу рассвету, достигла наконец

нильдинских холмов.

И знаменитый Нильдинский завод, расположенный на западном склоне холмов, раскрылся перед нею, как огромная, незнакомая страна.

Хотя нильдинские холмы были родиной предков Айши и завод носил имя ее родной волости, она никогда в жизни не видела его и знала о его существовании лишь по рассказам бывалых людей. Так, ее брат Сапаргали, работавший здесь, во время своих редких наездов в отцовский аул постоянно твердил о железных машинах, о длинных узких печах, о твердом, как камень, угле, которым топят эти печи, о шахтах, которыми, как кротовыми норами,

изрыто все нутро горы, о глыбах ~руды, таящей в себе желтую медь, об огромных кирпичных казармах, где живут рабочие, о лавках, полных всякого диковинного товара, о русских и англичанах с их чудным гортанным говором и, наконец, о гудке, который зовет <шабаш> и громко возвещает о начале и конце работы.

Истинно говорят - что слышит ухо, того не видит глаз. Долгий; протяжный звук, доносящийся из-за холмов и так сильно напугавший сначала девушку, а потом волков, и был, как она теперь поняла, этот самый <шабаш>, столь знакомый ей по рассказам брата.

Она стояла на холме. Длинные шеи труб извергали в небо клубы густого черного дыма. Вокруг заводских корпусов со множеством окон копошились, как муравьи, рабочие. Скрипели возы. Мычали коровы, их гнали белолицые женщины в странной одежде - платках, завязанных углом, и длинных платьях с широкими подолами. За подола цеплялись ребятишки.

Айша отшвырнула кол, который все еще сжимала в руке. Она повернула коня к поселку, притулившемуся с западной стороны завода и состоящему из полутора десятков юрт самых разнообразных размеров.

Все было любопытно в новом для нее поселке: иэти клубы дыма, и высокие дома, столь непохожие на избушки родного кыстау, множество стекол в каждом здании, непрерывный шум, грохот. Лишь низенькие пристройки да войлочные юрты были близки и понятны ей. Она невольно сравнивала высокие заводские строения с теми, что видела за всю свою недолгую жизнь. И до чего же убогими казались ей летние жилища казахов, их зимние халупы, кое-как слепленные на живую нитку из камня, глины и самана. В ней крепла уверенность: завод - это могущество, кто укроется на заводе, кого он возьмет под свою защиту, тому уже не страшны никакие степные волки, в каком бы обличье они ни выступали. Если бы она знала, как ошибается. Но все это было для нее впереди - и прозрение, и настоящая жизнь.

Она подъехала к юртам и повстречалась с двумя казашками, гнавшими коров в стадо.

- Э, голубушка, откуда едешь в такую рань? - обратилась к ней старшая из женщин.

- Из аула Кадыра. Мои спутники отстали, а я их обогнала. Здесь работает мой брат Сапаргали, я к нему еду. Вы не знаете, где он живет? - спросила Айша. Женщины переглянулись.

- Сапаргали? А какого он рода? - снова обратилась к ней старшая.

- Какого рода? Нашего рода. Рода Тока,- сказала Айша.

- Здесь много людей из рода Тока. Мы сами из этого рода, а тебя не знаем. Ты скажи, твой Сапаргали не доводится ли родственником Шуленбаю и Бижану? - спросила вторая женщина.

- Да, да...- обрадовалась Айша.- Это наша родня. - Тогда понятно. Вон они, там живут, в крайних юртах. И если твой брат не ушел на смену, то он должен сейчас быть дома. Когда Айша подъехала к указанному месту, из одной юрты вышла молодуха

с парой ведер в руках. Увидев Айшу, она остановилась, во все глаза глядя на нее, на ее мужской наряд.

- Здравствуйте, не знаете ли вы Сапаргали?- спросила Айша.

- Знаю. А вы кто ему?

- Я его младшая сестра.

- Он живет в этой юрте.

- Дома он, не знаете?

- Дома. С ночной смены пришел. Спит, наверное. Айша тронула коня.

Молодуха с любопытством смотрела ей вслед. Айша, не обращая внимания, спешила и привязала коня за недоуздок к бельеу. Конь встряхнулся, прозвенел удилами.

- Вылитый джигит, а на самом деле девушка,- громко сказала молодуха неизвестно кому.

Айша открыла деревянную дверь и ступила в темную низкую юрту.

- Кто там? - спросила какая-то молодая женщина, откинув край полога и высунувшись.

Айша не отвечала ей. Она смотрела на трех мужчин, вповалку лежавших на полу.

- Ты что, оглохла? - визгливо повторила женщина. - Сапаргали здесь? - наконец опомнилась Айша. - Здесь... А ты кто?

- Я его младшая сестра.

- Айша? Какими ветрами к нам? О, боже... Я тебя и не узнала в темноте... Эй, мужчины, вставайте, - заторопилась женщина.

Вскочив с постели, набросив платье, кое-как покрыв голову платком, она, как была босая, подскочила к Айше.

- Голубка, милая, откуда ты? Одна приехала? А? Тюндик-то закрыт, я тебя в темноте и не узнала,- заохала женщина и снова принялась будить спящих:

- Эй, Сапаргали! Вставай! Вставайте! К нам Айша приехала!

Женщина, в которой Айша узнала жену Сапаргали, откинула тюндик, и в юрте стало светло. Проснулись все обитатели юрты. Сапаргали, высокий, плечистый джигит в бязевой рубаше, заморгал мутными от короткого сна глазами:

- Ой, Айша, это ты?

Кряхтели, потягивались Садуакас и Арын - родственники Сапаргали, вместе с ним работавшие на заводе, вместе с ним живущие в этой юрте, которая была их единственным пристанищем.

Вскоре все обитатели юрты сидели за кипящим самоваром, увлеченные рассказом Айши. Они то и дело перебивали ее, уточняли подробности, заставляли повторять только что сказанное. Кровь кипела в жилах у Сапаргали, когда он узнал, как хотели поступить с его сестрой, выдав ее замуж за старого уроды. И остальные были взволнованы не менее его.

Храбрость Айши и джигитов всем пришлась по душе. Охали женщины, слушая, как чуть было не погибла девушка, встретившись с волчьей стаей.

- А где же сами Абиль и Алькей? Неужели назад вернулись? - спросил

Сапаргали, когда рассказ Айши был окончен.

- Не знаю. Вряд ли. Мы договорились, что они доставят меня сюда и устроят здесь. Как же они вернуться, не узнав, благополучно ли я добралась. Может, с ними что случилось? - пригорюнилась Айша.

- Может, они попали в руки врагов? - предположил Садуакас, чьей женой и была та самая глазастая молодуха, которую встретила Айша, разыскивая брата.

- Ну да! Кони у них отменные. Абиль пасет табуны дяди Шуленбая, так неужели они не выбрали себе самых резвых иноходцев? - возразил Сапаргали.

- Да они двое в драке десятерых стоят, - поддержал его Арын.

- Разве Алькей тоже конский пастух Шуленбая? - удивился Садуакас.

- Да, он уже два года на него работает. Алькей - лучший друг Абиля, - сказала Айша и почему-то покраснела. Садуакас внимательно посмотрел на сестру, усмехнулся и покачал головой.

- Хотел бы я знать, сказали они о своем отъезде другим пастухам Шуленбая?

- хлопнул себя ладонью по колену Садуакас.

- Наверное, сказали. Они ведь оба были на его конях. А коли не сказали - тоже не велика беда, - расхохотался Арык, самый молодой из мужчин.

- Не думаю, чтоб с ними случилось дурное. Даже если они попались, Бименде не посмеет задержать людей Шуленбая, он ведь к тому же и трус изрядный, - поразмыслив, решил Сапаргали.

- Ой-бай, . я ж говорю - Абиль один десятерых стоит, и Алькей его не слабее. Они потеряли в темноте Айшу, а теперь, видать, ищут ее, - возбужденно подхватил Арын.

- Да, да... Именно так, - согласился Садуакас.

- Самое главное, что Айша теперь с нами. А раз она с нами, явись теперь за ней сам шайтан, ни за что ее не отдадим, - подытожил Сапаргали.

- Не вырвать им теперь ее из наших рук! - вскричал Арын.

- Да они и сами вряд ли теперь сюда сунутся после такого позора, - посмеивался Садуакас. Его жена Гульжихан хлопотала вокруг самовара, но все ее внимание было сосредоточено на приключениях Айши.

- Куда-ау! Вы только подумайте, какая храбрая наша Айша! - поминутно восклицала она.

- Э, чего ей бояться? - она теперь самостоятельная девушка. Сказано: не только сыну Боранбая, сыну бога ее не отдадим, - смеялся Садуакас.

- Э, конечно, зачем отдавать, -. вторила жена мужу. - И все-таки осторожность не помешает. Первые

два-три дня, когда мы будем на завод уходить, нужно, чтоб Айши в этой юрте не было. Будем провожать ее к мастеру Ибраю или к русскому Сергею на тот конец поселка, - предложил Сапаргали.

- Неплохо придумано, хотя и здесь ее никто не посмеет тронуть, - согласился с ним Садуакас.

- Пойду, переговорю с Сергеем и Ибраем, - поднялся Сапаргали. - Они свои

люди, рабочие, им можно довериться...

После полудня у маленькой юрты Сапаргали и Садуакаса появились всадники. Лошади их были в мыле. Алькей и Абиль действительно сбились ночью с пути, долго искали Айшу сначала вместе, потом порознь и, наконец, решили ехать на завод. Радостным было для них известие, что девушка добралась до своих и теперь находится в безопасности.

Голова Абиля была завязана платком - не прошли даром удары байского соила. Поверх он натянул тымак да так и прилег, измученный дорогой, волнением, бессонницей. Айша крепко спала за пологом на постели Садуакаса.

- Отведи лошадей во двор соседа Жолдыбека, привяжи рядом с рыжим конем, пусть остынут. А жене Жолдыбека накажи, чтоб присмотрела за ними,- велел Сапаргали Арыку.

- Постой. Скажи, чтоб до захода солнца их ничем не кормили. И подпруги им ослабь,- приподнялся Абиль, увидев, что Арын направляется к выходу.

- Сделаем,- кратко сказал Арын.

- Ну как, Абиль, сильно голова болит? - участливо спросил Садуакас.

- Голова болит - ничего. Я, главное, две ночи не спал, спать охота, - отозвался Абиль. Алькей тоже оторвал голову от подушки и тихонько рассмеялся:

- Эта голова и не такие виды видывала...

- Шкура-то у вас"ребята, я вижу, покрепче воловьей, - улыбнулся Сапаргали. Все расхохотались.

- Оставь их. Пусть отдохнут, подремлют, им дорога дальняя предстоит, - вступился Садуакас и все же, не удержавшись, восхищенно добавил: - А здорово все-таки рассчитались вы с Бименде и Шакиром. Хорошую пилюлю они от вас получили...

Солнце уходило за горы, когда лошадям наконец дали корм.

Сапаргали и Садуакас работали в вечернюю смену. Перед уходом на работу они увели Айшу к мастеру Ибраю. Абиль и Алькей уже были на ногах, готовые тронуться в обратный путь.

Прощались. И трогательным было это прощание. В маленькой толпе, собравшейся перед всадниками, стояли Сапаргали, Садуакас и Арын, уже одетые для работы, Гульжихан, жена Сапаргали, русский Сергей, соседи-казахи.

Садуакас обратился к джигитам:

- Если худо вам придется, возвращайтесь к нам. Там вы одни, а здесь нас много. Будете здесь работать. Вот он вам поможет устроиться, - указал Садуакас на Сергея.

- Точно. Если что, двигайте к нам. Вместе не пропадем,- подтвердил Сергей.

- Мы ни у кого ничего не взяли. Что они могут сделать с нами? - ответил Абиль.

- Я. на всякий случай говорю. Кто их знает, этих богатеев, - задумался Садуакас.

- Спасибо. Мы не забудем вашу доброту, - поблагодарили джигиты.

- А мы будем помнить вашу храбрость. Правда, Сергей?
- Правда, Садуакас.
- Ну, до свидания, до свидания. Айшу берегите пуще глаза,- сказал Абиль.
- Я думаю... передайте ей, что мы с ней скоро снова увидимся,- решил наконец Алькей.
- Что ж, видно будет. Она теперь на заводе, среди нас, так что не беспокойтесь, - сказал Сапаргали. Джигиты тронули коней. Загудел вечерний гудок, <шабаш>, столь памятный Айше.
Джигиты удалялись. Они становились все меньше и меньше, но люди все глядели и глядели им вслед, пока они не скрылись за холмами.
...Август 1916 года. Последние дни знойного шилде, макушки лета, как называют здесь то время, когда травы, кустарники уже тронуты увяданием, а до осени еще далеко-далеко.

1922 - 1935
Перевод Р. Сейсенбаева